

MOBILIS IN MOBILI

ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Междисциплинарный проект
Александра Асмолова

Коллектив авторов

Mobilis in mobili.

Личность в эпоху перемен

«Языки Славянской Культуры»

2018

УДК 159.9
ББК 88.37

Коллектив авторов

Mobilis in mobili. Личность в эпоху перемен / Коллектив авторов — «Языки Славянской Культуры», 2018

ISBN 978-5-907117-24-2

В XXI веке представители самых разных наук об эволюции человека, природы и общества все более убеждаются в том, что древнее предостережение о рисках и опасностях жизни в эпоху перемен становится сбывшимся пророчеством. Трансформация эпохи перемен в повседневную реальность нашего текущего времени послужила толчком для разработки таких зарождающихся в пограничных областях психологии направлений исследования как психология неопределенности и разнообразия, психология сложности, психология изменяющейся личности, интегрированных в рамках проекта «Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен». Книга, объединяющая поиски исследователей факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова и других ведущих центров психологической науки, адресована читателям, которых волнует психология человека, принимающего решения и совершающего поступки в условиях вызовов неопределенности, сложности и разнообразия стремительно эволюционирующего мира.

УДК 159.9

ББК 88.37

ISBN 978-5-907117-24-2

© Коллектив авторов, 2018

© Языки Славянской Культуры, 2018

Содержание

Подвижный в подвижном: психология изменений	5
А. Г. Асмолов	5
Литература	7
А. Г. Асмолов	8
Введение. Изменения изменений как дискурс современности	8
От полифонии современности – к полифонии форм жизни	10
Литература	15
Вызовы неопределенности и разнообразия	20
Д. А. Леонтьев	20
Пригожин, Талей и новая картина мира	20
Вызов сложности и пути совладания с ним	23
Порядок из хаоса	24
Литература	27
Д. А. Леонтьев	29
Вызов неопределенности в современном мире	29
Проблема взаимодействия с неопределенностью	31
Виды неопределенности и психологические реакции на нее	32
Отношение к неопределенности как объект эмпирических исследований	35
Заключение	36
Литература	37
Т. В. Корнилова	40
Общенаучные предпосылки изменений в понимании неопределенности. Неопределенность и знания.	41
Прогнозирование и неопределенность	
Принцип неопределенности, мышление возможного и риск	42
Риск и эвристики	43
Антихрупкость	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен

Подвижный в подвижном: психология изменений

А. Г. Асмолов

Методология психологии перемен: ремесло и искусство сомнения

[I Приглашение к диалогу]

Метафора Л. Н. Толстого «все смешалось в доме Облонских» с равной степенью может быть отнесена и к атмосфере, царящей в нашем обществе, и к хаосу научных школ, парадигм, исследовательских программ, видящих и не желающих видеть друг друга различных направлений методологии науки, в том числе методологии психологии.

Но стоит ли по этому поводу впадать в депрессию и, уподобившись рачительной домохозяйке, спешить навести порядок в причудливом здании методологии психологии? Не является ли ситуация хаоса в науке, мы уже не говорим о перманентных кризисах мышления, преадаптацией методологии к порождению иных не общих правил игры, зарождение иных интеллектуальных, ментальных и социокультурных формаций разума? Не становится ли формула критического мышления «я сомневаюсь, следовательно, я существую», если воспользоваться мифопоэтическим языком, оберегом от перевоплощения различных идеалов методологии науки в те или иные идолы? Неслучайно название книги Э. В. Ильенкова «Идолы и идеалы» (1968) звучит более, чем современно.

И как только мы слышим в методологии науки, особенно, в нашей отечественной методологии, вопрос, чьих холопов будете, из какой интеллектуальной волости прибыли – рефлексологии, бихевиоризма, психоанализа, гештальтпсихологии, гуманистической и экзистенциальной психологии, персонологии, позитивной психологии или культурно-исторической психологии – не впадаем ли мы в грех интеллектуальной ксенофобии, и ее неизменного спутника – сектантства, в любых ее формах, разделяющего миры на «своих» и «чужих», верных и неверных, правых и неправых?

При этом мы нередко «дух времени», множественность модерностей, вольно или невольно подменяем очередной модой. Об этой черте познавательной ситуации в методологии социологии с меткой иронией упоминает в своем трактате «Абортивная модернизация» Л. Д. Гудков: «Особой «популярностью» (т. е. входят в дежурный набор ссылок) в настоящее время пользуется А. Гидденс и Н. Смелзер..., П. Бурдьё, У. Бек, З. Бауман, М. Кастельс, реже – Г. Беккер, или К. Поланьи и др., легко соединяемые с французским постмодернизмом (Ж. Бодрийаром, Ж. Делезом, М. Фуко) и другими авторами, не имеющими прямого отношения к социологии» [Гудков 2011: 31].

В методологии психологии, исследующей неопределенность, подобной модой уже стало упоминание о переходе от SPOD-мира, устойчивого, предсказуемого, простого и определенного мира, к миру VUCA, нестабильному, неопределенному, сложному и неоднозначному миру, при этом у исследователей, в том числе и у авторов настоящего сборника становится хорошим тоном пренебреженно упомянуть в исследованиях И. Пригожина, З. Баумана, М. Кастельса, Н. Бора и других идеологов понимания неопределенной релятивистской реальности.

И это нормальная ситуация. Стоит ли упоминать, что мы всегда стоим на плечах гигантов. Но именно это мешает нам увидеть впечатляющую множественность повседневности.

Аналогичная ситуация складывается порой и в психологии. Она вызывает грусть тогда, когда дежурный список имен выстраивается по имплицитному табелю о рангах, приседаний, как в фильме Георгия Данелия «Кин-дза-дза», перед теми или иными модными «авторитетами». Иными словами, в методологии отечественной психологии иногда так и хочется произнести слова С. Довлатова: «Модерн крепчает» [Довлатов 2010: 223]. Нелепость переноса табеля о рангах, нормах приседаний, лайков, особенно явно проступает, когда методологическая мысль оказывается под властью «рейтингового гипноза», различных индексов цитирования. Сложившаяся ситуация все более ассоциируется с анекдотом советских времен «– Сынок, а кем был Маркс? – Экономистом. – Только-то? А вот наша тетя – главный экономист!». Титул главного методолога в науке – столь же нелеп, как поиск главного блоггера в интернете в период политических обострений, своего рода магистра ливонского или тевтонского ордена.

М. Фуко и Ю. М. Лотман, Л. С. Выготский и К. Левин, М. М. Бахтин и В. Франкл обладали в науке властью авторитета и не стремились эксплуатировать авторитет власти. Властителями умов не назначаются. Ими становятся и живут в том времени, которое М. М. Бахтин называл «большим временем культуры». В методологии может вестись диалог о нравственном императиве, но сама постановка вопроса об **интеллектуальном императиве** противоречит сути методологии как ремесла и искусства сомнения. Идеал может быть переработан, переосмыслен, но не разрушен до основания, не обнулен. **Идеалы переосмысливаются, идолы же – низвергаются.**

Поэтому стратегемой при обращении к ремеслу и искусству методологии сомнений может служить неустаревающий афоризм Е. Леца: «Канонизация убивает в моих глазах человека, которого я мог бы считать святым».

Методология как ремесло и искусство сомнения – это неустанная работа по выработке технологий, «мыслительных инструментов» преодоления познавательного эгоцентризма, принимающая порой формы такой культурной патологии, как нарциссизм. Ремесло сомнения начинается не с обнуления «прошлого, которое трактует нас» (Э. Соловьев) и выступает как материал строительства разных мыслительных формаций, а, следуя совету Э. Манделштама, с «понимающего исполнения». Именно «понимающее исполнение» помогает отличить «границы» от «крайностей».

Методология как ремесло сомнения всегда начинается с проблематизации мыслительных пространств и выход за пределы существующих схематизмов мышления, надсознательных установок, парадигм, дискурсов и мемов. Для того чтобы это увидеть, назовем ряд классических работ, ставших символами ремесла и искусства сомнения, выхода за пределы границ, или же, точнее, работы в межграничном пространстве: Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла», З. Фрейд «По ту сторону принципа удовольствия», Б. Скиннер «По ту сторону свободы и достоинства», Дж. Брунер «Психология познания: за пределами информации»... Этот же прием выхода за границы, метаперехода блестяще используется Л. Кэрролом в «Алисе в Зазеркалье» и К. Льюисом в «Хрониках Нарнии». **Методолог, владеющий ремеслом сомнения, так или иначе, чтобы по-иному увидеть мир, проваливается в «кроличью нору» или открывает портал в иные миры.** При этом он использует ту или иную мысленную технику, приводящую к изменению «масштаба видения» и открытия «неочевидных очевидностей». Наиболее явно эта техника, или интеллектуальный прием, была использована Вольтером в его произведении «Микромегас» и Дж. Свифтом в «Путешествиях Гулливера». Фантастические сюжеты служили культурными орудиями для того, чтобы изменить масштаб видения, увидеть мир другими глазами.

В техно-научном мире мы подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы – всегда не того масштаба. Если смотреть на вещи с

этой точки зрения, то требование простоты сегодня покажется вообще-то предвестьем варварства. Разбирая этот же пункт, следовало бы подробнее разработать вопрос о разделении человечества на две части: одна принимает этот вызов сложности, другая – тот древний и грозный вызов, что связан с выживанием рода человеческого. Вот, может быть, главная причина провала проекта современности, который, ... в принципе относился к человечеству в его совокупности [Лиотар 1994].

В качестве культурных практик «исполняющего понимания» и преодоления познавательного эгоцентризма, используемых в методологии как ремесле сомнения, мы с достаточной степенью огрубления перечислим следующие: проблематизация, идентификация, деконструкция, децентрация, очуждение, остранение, феноменологическая редукция, обнелепивание, оксюморонизация, абсурдизация и т. п. Мы могли бы назвать эти техники своего рода *инструментами парадоксологии, культурными практиками эмерджентности*, а в ряде случаев – жесткой методологической хирургией, символом которой является «бритва Оккама».

Подобного рода *культурными практиками эмерджентности*, в том числе техниками «выбивания из седла», пользовались такие методологи, как, например, Г. П. Щедровицкий. И не случайно Александр Зинченко именует его «бродячим философом», подчеркивая тем самым отстраненность владеющего ремеслом сомнения методолога от той или иной «цивилизации статуса», той или иной господствующей идеологии, той или иной власти. «Бродячий философ», как вагант, является кочевником в пространстве и времени. Методолог, использующий культурные практики изменения фиксированных установок сознания, методологическую хирургию, мог бы произнести:

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.
О, если б распахнуть, да как нельзя скорее,
На Адриатику широкое окно.

Проповедуя методологию психологии перемен как мастерство и искусство сомнения, мне бы хотелось, используя образ О. Э. Мандельштама, распахнуть широкие окна возможностей познания изменяющегося человека в изменяющемся мире и пригласить читателей к плаванию в мире неопределенности, сложности и разнообразия без спасательного круга.

Ключевые идеи этой коллективной монографии родились в диалогах сотрудников кафедры психологии личности факультета психологии МГУ, используя термин Дж. Г. Мида, со Значимыми Другими, со всеми теми, кто стремится построить преадаптивную психологию перемен, отвечающую на эволюционные вызовы нашего времени.

Литература

- Гудков 2011 – Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
Довлатов 2010 – Довлатов С. Уроки чтения: Филологическая проза. СПб.: Издат. группа «Азбука-классика», 2010.
Лиотар 1994 – Лиотар Ж. Ф. Заметки о смыслах 'пост' // Иностранная литература. 1994. № 1.

А. Г. Асмолов

**Психология современности: вызовы
неопределенности, сложности и разнообразия¹
[II Приглашение к диалогу]**

«Мы живем, под собою не чуя страны...»

Осип Мандельштам

*«– Психоистория способна предсказать крах Империи... она же
делает вывод и о наступающих тысячелетиях хаоса... Мы не в
силах предотвратить падение Империи... Но мы можем сократить
надвигающийся период варварства...»*

Айзек Азимов

Введение. Изменения изменений как дискурс современности

Перед вами коллективная монография, освещающая первый вариант проекта различных исследователей, объединяющихся в интеллектуальную сеть вокруг кафедры психологии личности факультета психологии МГУ. Имя новорожденного проекта – «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия». Данный проект представляет собой попытку рефлексии различных измерений современности. Перефразируя вопрос Курта Коффки: «Почему вещи выглядят такими, какими они выглядят?», спросим: «Почему современность выглядит такой, какой она выглядит?» Почему при описании современности через призму разных методологических оптик мы все чаще отмечаем такие ее свойства, как полифоничность, релятивистскую природу, ускорение изменений, мобильность, текучесть, разнообразие, сложность, гетерогенность, нелинейность, многомерность и неопределенность? Без поиска ответов на эти вопросы в психологии, как и в других науках, мы будем жить, *не чуя под собой современности* и оставаясь «рабами зрительного поля». Все эти вопросы возникли не на пустом месте. Интерес к парадоксам познания современности имеет свою автобиографическую историю, которая позволяет приоткрыть мотивы рождения данного проекта.

По традиции психоанализа поищем некоторые из этих мотивов в своем «профессиональном детстве». Первый эпизод из профессионального детства – встреча с небольшой, выполненной в русле направления психологии познания по имени «New Look» экспериментальной работой Дж. Брунера и Л. Постмана «Восприятие несоответствия» [Bruner, Postman 1949], в которой анализируются стратегии порождения образа у человека, сталкивающегося с необычными ситуациями. Анализ материалов этого исследования подтолкнул к выделению стратегии «страуса» при встрече со странностями зрительного мира («перцептивная защита») и стратегии бдительности («vigilance», особой *сверхчувствительности к несоответствиям и изменениям*) как разных индивидуальных стилей восприятия; постановке проблем устойчивости поведения личности в неопределенных ситуациях и выдвижению гипотезы об установках как механизмах, обеспечивающих стабильность поведения в мобильном мире; а затем и к определению проблемного поля исследований личности как психологии изменяющейся личности в изменяющемся мире [Асмолов 1979; 2002; 2010]. Именно тогда родилась прошедшая впоследствии через все мои разработки по неклассической культурно-исторической психологии

¹ Впервые опубликовано: Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. 8 (40). 1. (URL: <http://psystudy.ru>)

развития человека ассоциация с девизом Жюль Верна «*mobilis in mobili*», выгравированном на знаменитой подводной лодке «Наутилус». Этот девиз в наши дни стал одной из формул описания современности [Урри 2012].

Второй эпизод – это знакомство с исследованием: «Какие вероятности “работают” в психологии?», написанной двумя авторами, один из которых, И. И. Гуревич, известный специалист в области квантовой физики, а другой – И. М. Фейгенберг, ученик создателя физиологии активности Н. А. Бернштейна, разработавший концепцию вероятностного прогнозирования в поведении целеустремленных живых систем [Гуревич, Фейгенберг 1977]. И. И. Гуревич и И. М. Фейгенберг попытались обосновать гипотезу, что в психологии, как и в неклассической физике, работает такое понятие, как «амплитуда вероятностей». Тем самым они поставили под сомнение саму идею об использовании дискретного аппарата математики, оправдавшего себя при изучении мира классической физики И. Ньютона, в квантовой механике и в психологии. Эти авторы также обратили внимание на необходимость обращения психологов к принципу дополнительности Нильса Бора и к принципу неопределенности Вернера Гейзенберга (см., например: [Бор 1970; Гейзенберг 1987; Фейгенберг 1986]).

Третий эпизод. В 1970-х гг. вышла книга Д. Бом «Специальная теория относительности» [Бом 1967]. В этой книге, посвященной истокам возникновения релятивистского видения мира, Д. Бом, повествуя о ранних годах жизни Альберта Эйнштейна сквозь оптику исследований Ж. Пиаже, рождает следующий образ: мышление А. Эйнштейна не спешило войти в мир классической физики Исаака Ньютона и во многом благодаря этому оказалось открытым к релятивистскому восприятию мира. Описанная Д. Бомом ситуация рельефно показывает, как важно видеть реальность через разные оптики и прорываться поверх барьеров традиционного мышления в процессе познания стремительно меняющегося мира.

Все три описанные выше эпизода обусловили интерес к поиску методологии познания сложности, играм разума, направленным на рефлексии многомерности мира в разных системах координат. Именно трансдисциплинарная методология прививает культуру мифопоэтического мышления, как «*thinking in complexity*» [Майнцер 2009], движущегося через парадоксы в форме лишь кажущихся простыми вопросов в стиле уже упомянутого выше вопроса Курта Коффи: «Почему вещи выглядят такими, какими они выглядят?». Обратимся далее к анализу современности через призму разных оптик, приводящему к «переструктурированиям» [Дункер 1965] проблемных познавательных ситуаций в науках текущего столетия.

И, предваряя этот анализ уже не в далеком прошлом, а в самом что ни на есть настоящем, во-первых, обозначим смыслообразующий мотив, приведший к появлению амбициозного проекта «*Психология современности: вызовы неопределенности, сложности, разнообразия*», как мотив расширения границ познавательного поля психологической науки; во-вторых, особо обозначим авторский стиль передачи смыслов и идей данного проекта.

Целью проекта, предлагаемого вниманию методологов, психологов, а также исследователей, работающих на границах разных наук, является разработка трансдисциплинарной программы исследований познания психологии современности, которая, как нить Ариадны, позволит собрать в «ствол» науки о развитии человека в природе и обществе и, тем самым, сделать шаг на пути превращения психологии не только «в действительную, но и действенную науку» [Леонтьев А. 1975]. Иными словами, цель создаваемой программы – предложить методологические рамки для изучения того, как трансформируются ментальные картины мира людей в условиях «изменения изменений», нарастания неопределенности, сложности и разнообразия и того, как люди реагируют на эти проявления современности: от адаптации к сложности – до архаичных практик упрощения и изоляции; от адаптации к среде – до адаптации среды [Моисеев 2000].

А теперь о стиле повествования. В связи с тем, что сама *современность подается в проекте как плод общественного договора*, особо изобретаемая реальность, то и стиль повество-

вания в ней по духу близок к стилю мифопоэтического мышления, т. е. мышления – диалога, несущего собеседнику скорее смыслы, чем значения.

От полифонии современности – к полифонии форм жизни

В последнее время методологи, философы, психологи, социологи и историки включились в необъявленный конкурс рефлексий *современности*, в котором и разворачиваются самые разные проекты и исследовательские программы. Уже стало традицией при описании изменяющегося мира ссылаться на работы И. Р. Пригожина «Порядок из хаоса» [Пригожин, Стенгерс 1986], «Философия нестабильности» [Пригожин 1991], «Конец определенности» [Пригожин 2001], «Определено ли будущее» [Пригожин 2005], Р. Харре «Правила беспорядка» [Harré, Marsh, Rosser 1978], З. Баумана «Текущая современность» [Бауман 2008], Э. Гидденса «Ускользающий мир» [Гидденс 2004] и «Последствия современности» [Гидденс 2011]; У. Бека «Общество риска: на пути к новому модерну» [Бек 2000]; «Управление в условиях неопределенности» [Управление... 2006. Серия «Классика Harvard Business Review»]. Совсем недавно этот список пополнился книгами Э. Морена «Метод. Природа Природы» [Морен 2013]; «Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика» [Неопределенность... 2013]; Н. Н. Талеба «Антихрупкость: Как извлечь выгоду из хаоса» [Тaleb 2013] и «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» [Тaleb 2015]. Наряду с этими трудами следует также упомянуть обострившийся в интеллектуальном сообществе интерес к таким трендам, эпистемологическим поворотам (*turns*), синергетическим и сетевым революциям познания странного мира, как эволюционная эпистемология, социальная эпистемология, историческая эпистемология, культурно-историческая эпистемология, неклассическая эпистемология, постнеклассическая культурно-аналитическая методология познания, постструктуралистский анализ познания закрытых и открытых систем, новая культурная антропология, этнометодология и методология трансдисциплинарности² [Автономова 2008; 2009; Гарфинкель 2007; Гусельцева 2009; 2010; 2013; 2014; Лекторский 2001; Касавин 2013; Мегилл 2009; Мокий 2009; Прохорова 2009; Пружинин 2009; Эволюционная эпистемология 2012].

Среди всех этих направлений познания современности, которые имеют свои проекции на методологию конкретных наук, особо хочу обратить внимание на небольшую статью Ж. Ф. Лиотара «Заметки о смыслах “пост-“, опубликованную в специальном выпуске журнала «Иностранная литература» под названием: «После времени: французские философы постсовременности» [Лиотар 1994]. В этой статье Ж.-Ф. Лиотар производит особую психоаналитическую деконструкцию дискурса о *современности*. Он выделяет целый ряд особенностей современности, показывающих всю неоднозначность этого понятия.

Во-первых, при описании современности обозначается риск распространения так называемой линейной хронологии, при которой каждому новому интеллектуальному, культурному или технократическому движению приписывается термин «пост-». В результате происходит неизбежное обнуление предшествующих практик мышления и традиций. Ж.-Ф. Лиотар показывает, что за подобным обнулением стоит не преодоление прошлого, проявляющегося в разрыве с традицией, а скорее эволюционный снобизм, забвение прошлого по психоаналитическому механизму подавления и вытеснения. В результате возникает интеллектуальная эквилибристика различными «-измами»: трансавангардизм, неоэкспрессионизм, постмодернизм.

² Концепт «трансдисциплинарность» был предложен в 1970 г. Жаном Пиаже «в дискуссиях с Э. Янчем и А. Личнеровицем в рамках международной рабочей группы “Интердисциплинарность – обучение и исследовательские программы в университетах”». (URL: <http://transstudy.ru/>)

Во-вторых, Ж.-Ф. Лиотар предостерегает от игры с префиксом «пост-», увязывающей различные постмодернистские проекты с идеями технического прогресса как социальными проектами освобождения человечества. Он пишет:

...Вопрос о причинах этого процесса усложнения (*complexification*), вопрос темный, весьма для меня важен. Можно предположить, что некое роковое предназначение помимо нашей воли увлекает нас ко все более сложным состояниям. Наши запросы – безопасность, идентичность, счастье – вытекающие из нашего непосредственного состояния живых или общественных существ, как будто никак не соотносятся с этим родом принуждения, толкающего нас сегодня к усложнению, опосредованию, исчислению и синтезированию все равно каких объектов, а также изменению их масштабов. В техно-научном мире мы подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы – всегда не того масштаба. Если смотреть на вещи с этой точки зрения, то требование простоты сегодня покажется вообще-то предвестием варварства. Разбирая этот же пункт, следовало бы подробнее разработать вопрос о разделении человечества на две части: одна принимает этот вызов сложности, другая – тот древний и грозный вызов, что связан с выживанием рода человеческого. Вот, может быть, главная причина провала проекта современности, который, ...в принципе относился к человечеству в его совокупности [Лиотар 1994].

Ж.-Ф. Лиотар показывает, что сам дискурс современности является конвенциональным проектом. И в современности как в проекте появляются свои оси координат в виде сложности / простоты, разнообразия / однообразия, неопределенности / определенности. Сходные идеи о современности как особом проекте в контексте социологии и политологии высказывает Энтони Гидденс [Гидденс 2011].

При освоении дискурса современности и анализе ценностных оснований различных измерений современности у психологов, как и у ансамбля представителей разных наук о развитии человека, природы и общества, вольно или невольно возникает соблазн нарушить предостережение Козьмы Пруtkова «нельзя объять необъятное» и очередной раз в истории человеческого познания отправиться в зазеркалье, приступить к конструированию «теории всего» [Гейзенберг 1987; Веккер 1998; Уилбер 2013]; увязать в одном пространстве «собаку Павлова» и «кота Шредингера» [Harre 2009]; гомозиготные и гетерозиготные цивилизации [Любищев 2008]. Причина подобных искушений нашего разума, его стремления прорваться за любые границы, в том числе и за исторически очерченные каждой эпохой границы разумного, заключается в самой природе современности, ее перманентной безмерности. Необходимо осознать, что в восприятии современности в измерении «настоящее» всегда упаковываются «прошлое» и «будущее», сливаются в хронотопе «пространство и время» (М. М. Бахтин; Н. А. Бернштейн; А. А. Ухтомский), статика и динамика, устойчивость и вариативность, порядок и хаос (см.: [Пригожин, Стенгерс 1986]), культура и взрыв [Лотман 1992], распад и упадок цивилизаций [Любищев 2008], цивилизация и варварство [Мотрошилова 2010; Цивилизация. Восхождение и слом 2003].

Картина современности, как правило, оказывается травмированной историей, историческим прошлым человечества, Освенцимом и ГУЛАГом ([см., например: [Анкерсмит 2007; Арндт 1996]); наступлением «футуршока» (Э. Тоффлер), а также болезненным переживанием еще до ее наступления эпохи сингулярности (Рей Курцвейл). Рефлексия сложности современности позволяет констатировать, что происходит не только каскадное изменение темпов технического прогресса. Происходит нечто большее: изменение самих изменений.

Для понимания динамики текучести и устойчивости современности представляется весьма заманчивым осознать эволюционный смысл роли религии и искусства в историко-эволюционном процессе развития человечества: *искусство выступает как овладение и расширение человечеством границ современности и как наращивание культурных практик освоения неопределенности; а религия, упаковывающая хаос в «закрытые структуры» – как особая, испытанная веками культурная практика психотерапии неопределенности, ценностная герметизация инвариантных моделей мира, духовное производство нравственных установок и традиций как стабилизаторов социального поведения человека в разных культурах* [Асмолов 2012]. В этом смысле весьма эвристична идея Ю. М. Лотмана, что саморазвитие культуры осуществляется через различные *механизмы выработки неопределенности* [Лотман 2010]. Поэтому не случайно картина современности, принципиальная недосказанность современности досказывается, приручается и изобретается посредством мифов, метафор, таких парадоксальных произведений, как поэтические зарисовки Д. Хармса, невозможные миры М. Эшера, сюрреалистические полотна С. Дали, графика и живопись М. Шагала, философская поэтика И. Бродского. Современность то и дело заселяется различными фантомами, напоминающими намного опередившие представления о виртуальной реальности явления «призраков» в романе С. Лема «Солярис».

Ко всем этим произведениям как открытым структурам вполне приложима характеристика восприятия искусства, предложенная У. Эко:

...произведение искусства, предстающее как форма, завершенная и *замкнутая* в своем строго выверенном совершенстве, также является *открытым*, предоставляя возможность толковать себя на тысячи ладов и не утрачивая при этом своего неповторимого своеобразия. Таким образом, всякое художественное восприятие произведения является его *истолкованием* и *исполнением*, так как во всяком таком восприятии оно оживает в своей неповторимой перспективе [Эко 2004: 28].

Замечу, что современность не столько воспринимают, сколько чувствуют, интерпретируют и толкуют. Поэтому для ее постижения необходимы герменевтические методы исследования в стиле «толкование современности». Прообразом подобного интеллектуального стиля постижения современности является классическая работа З. Фрейда «Толкование сновидений».

Исследования многомерной природы современности, как правило, не вмещаются в прокрустово ложе идеала рациональности (М. К. Мамардашвили). Следование этому идеалу при восприятии и анализе современности зачастую приводит к тому, что современник оказывается не в ладу со временем. Личностный и когнитивный диссонанс при освоении современности состоит в том, что современник, как бы он ни пытался овладеть современностью, неизбежно не успевает за бегущим днем.

«Синдром современника» – *синдром диссонанса со временем*, с нелинейностью и безмерностью настоящего – вызывает эффекты, которые по своему воздействию на человека и человечество не уступают страхам перед «нелинейным будущим» [Назаретян 2015]. Среди таких эффектов назову, прежде всего, классический феномен стресса – генерализованного адаптивного синдрома, – введенный не только в научный оборот, но и в лексикон обывденного сознания канадским психофизиологом Г. Селье; а также невроз современности, описанный в классическом труде К. Хорни «Невротическая личность нашего времени» [Хорни 2008].

К эффектам современности, позволяющим совладать с вызовами сложности, неопределенности и разнообразия, относятся, на мой взгляд, и такие преадаптивные формы жизни, как смеховые и карнавальные действия (М. М. Бахтин), «игра ради игры» (А. Н. Леонтьев), «риск ради риска» (В. А. Петровский). Со всеми этими формами жизни субъекта и социума в контексте современности происходят перевертыши, как в известных двоящихся изображениях

Эдгара Рубина: то, что в историко-эволюционном процессе было фоном, становится фигурой; то, что было фигурой, становится фоном. Так *преадаптивные процессы, на важность которых в эволюции разных систем указывали А. Н. Северцев и Н. И. Вавилов, приобретают всё более главенствующую роль в процессе соперничества между стабильностью и изменчивостью*. Процессы же адаптации, выживания, достижения гомеостаза утрачивают свое господство на арене текучей современности [Асмолов и др. 2013; 2014]. Например, риск как форма жизни, который ранее в историко-эволюционном процессе был редкой экзотикой, становится глобальной и универсальной характеристикой форм жизни в современности и возводится в принцип поведения ряда организаций (см. об этом: [Гидденс 2011; Штомпка 1996]).

В дискурсе современности также заслуживает особого внимания высказанная Лиотаром гипотеза о том, что человечество в ответ на рост неопределенности, сложности и разнообразия все более дифференцируется на людей, готовых воспринимать сложное, и людей, склонных к упрощению реальности [Лиотар 1994]. Тогда *цивилизованность может трактоваться как освоение сложности и неопределенности современности, а архаика – как тенденция социальных систем к адаптации, равновесию и избеганию неопределенности, к жизни в более простом мире*.

Итак, ценностная апперцепция осей современности позволяет связать, на первый взгляд, несвязуемое: абстрактные методологические схемы познания сложности, неопределенности и разнообразия с адаптацией и преадаптацией различных видов в историко-эволюционном процессе; увидеть преадаптацию индивида как цену за развитие разнообразия вида; рассмотреть прогресс и регресс как эволюцию и инволюцию разнообразия систем; обосновать неизбежность трендов к интеграции культурной антропологии и нейрокогнитивной науки; раскрыть связь феноменологии множественности идентичности и полифонии сознания с такими зарождающимися направлениями психологии XXI в., как психология неопределенности, психология сложности и психология разнообразия.

Продолжая эту логику, с опорой на оптику историко-эволюционного подхода к развитию человека и человечества в биогенезе, антропогенезе, этногенезе, социогенезе и персоногенезе, еще раз подчеркну, что мы начинаем исследовать общность столь разнородных явлений, как полиморфизм – в генетике; полиэтничность и поликультурность – в антропологии и социологии; полифония сознания и множественность идентичностей – в гуманитарных науках и в психологии.

В своем анализе мы устанавливаем мосты между методологией и практикой, между гуманитарными и естественными науками, расширяя познавательные поля психологии и смежных наук. Благодаря этой оптике современности рождаются направления трансдисциплинарных исследований, связывающие простоту – с примитивизацией, варварством, архаикой, фанатизмом и тоталитарным сознанием; элиминацию разнообразия – с ксенофобией и этнофобией; страх перед неопределенностью – с бегством от свободы, утратой Я [Соколова 2015], поиском идентичности [Белинская 2005] и авторитарным характером личности [Адорно 2001; Фромм 1990]; поддержку разнообразия – с толерантностью; сложность – с множественностью интеллекта, латеральным мышлением как эффективным способом решения нестандартных задач, взрывом одаренности и креативности [Гарднер 2007; Боно 2015; Sternberg et al. 2010]; неопределенность – с преадаптивностью и неадаптивностью [Асмолов 2010; Петровский 2010], выходом за рамки гомеостаза, взаимопомощью и кооперацией как факторами эволюции и общественного прогресса [Асмолов и др. 2013; 2014].

Для операционализации разных практик и исследовательских процедур диагностики неопределенности и сложности современности в психологической науке уже разработаны такие приемы, как диагностика толерантности / интолерантности к неопределенности (см.: [Корнилова и др. 2010]), диагностика когнитивной сложности [Келли 2000], психосемантика многомерного сознания [Петренко 2009].

Подобного рода исследования, наряду со ставшими уже классическими работами Д. Канемана и А. Тверски, приводят к выделению особых направлений психологии современности: психология неопределенности [Канеман и др. 2005; Корнилова и др. 2010; Фейгенберг 1986; Человек в ситуации неопределенности 2007], психология социальной нестабильности [Солдатова 1998], персонология неадаптивного поведения [Петровский 2010], психология самоорганизации психологических систем [Клочко 2005], психология сложности [Поддьяков 2006; 2009; 2014], психология информационной социализации [Марцинковская 2012] и др.

Иногда новое выступает как хорошо забытое старое. Если на границе XIX и XX вв. уникальное чутье к современности, к ее текучести проявилось в представлениях В. Джеймса о «потоке сознания» и «многообразии религиозного опыта», то на границе XX и XXI вв. подобное чутье приводит к выделению такого направления психологии, как «психология потока» [Чиксентмихайи 2011; Леонтьев Д. 2011].

При анализе выделенного выше «синдрома современника» и различных форм жизни, являющихся ответами на вызовы современности, важно увидеть ценностные основания разных измерений и понять указанные выше направления психологии как различные «смешанные линии эволюции» (В. А. Вагнер, Л. С. Выготский) в ходе развития психологии современности и смежных наук.

Еще раз перефразируем вопрос К. Коффки и спросим: *почему современность изобретается такой, какой она изобретается?* Как переживается современность? Посредством каких форм жизни – социальных действий (М. Вебер, Т. Парсонс), коммуникативных действий (Ю. Хабермас), личностных действий (А. Н. Леонтьев) конструируются социальные и жизненные миры (А. Шюц)? Все эти вопросы связаны с горизонтами познания современности, и было бы дерзостью считать, что на них уже найдены ответы. Когда имеешь дело с вызовами неопределенности, сложности и разнообразия, самому следует стараться избегать решений, примитивизирующих современность, механически извлекая из интеллектуального багажа истории такие культурные орудия познания, как принцип неопределенности и принцип дополнительности.

О рисках манипулирования с помощью мыслительных техник со сложностью, неопределенностью и разнообразием еще в 1967 г. прозорливо предупреждал В. А. Лефевр. Он писал: «...Торжество кибернетического подхода – это не только выход на арену новых и продуктивных средств анализа сложных систем, но и колоссальное сужение “онтологического поля”, в рамках которого ставятся задачи научного анализа» [Лефевр 1967: 6]. И далее В. А. Лефевр отмечал:

...Одной из главных методических задач исследования сложных объектов является выработка особых картин действительности, в которых между духовными и материальными феноменологиями устанавливались бы конструктивные отношения. От решений этой задачи зависит, будем ли мы иметь возможность рассматривать системы, «наделенные интеллектом», как единые системы, или нам придется довольствоваться двумя несвязанными планами изучения, оформив свою капитуляцию, принципом, напоминающим принцип дополнительности Бора» [Там же: 9].

Надеюсь, что представленный в данной коллективной монографии проект «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» учтет предостережения В. А. Лефевра и сумеет избежать наведения мнимых мостов над пустотами. В свое время О. Манделштам метко заметил, что литературные школы развиваются не столько новыми идеями, сколько новыми вкусами. Именно благодаря новым взглядам и вкусам в науку приходят неизвестные ранее имена. И точно так же, как во многом благодаря культурно-исторической школе Л. С. Выготского в культурное пространство психологии пришли социологи (Э. Дюркгейм, Дж. Мид), этнографы и антропологи (Л. Леви-Брюль, Ф. Боас), лингвисты (А. А.

Потебня, Ф. де Сосюр, Р. О. Якобсон), так и благодаря проекту «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» в пространство психологии со временем, быть может, придут новые имена мастеров познания сложности современности, в том числе и упомянутые в этой статье.

Кроме того, то, что не связывалось, начнет связываться в общую интеллектуальную сеть. То, что десятилетиями казалось недозволенным грехом исследователя, станет нормой интеллектуального труда. Так, если ранее обвинения в эклектике носило характер упрека, а порой и обличения, сегодня имеет шанс обрести статус позитивно санкционированного интеллектуальным сообществом методологического стиля, приобретя имя «конструктивной эклектики» [Олпорт 2002]. В чести могут оказаться и «профессиональный дилетантизм», и жанры научно-популярной публицистики, «публицистики без границ» в стиле, например, «этидов оптимизма» И. Мечникова, «жизни животных» А. Э. Брэма, «неизбежности странного мира» Д. Данина [Данин 1962], книг Н. Копосова «Хватит убивать кошек» [Копосов 2005], М. Эпштейна «Знак пробела: о будущем гуманитарных наук» [Эпштейн 2004], А. Маркова «Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы» [Марков 2010] и др. В цене вновь окажутся и дерзкие популярные журналы, такие как появившийся в 2014 г. журнал «Кот Шредингера» с его рубрикой «Диктатура будущего», приручающей наше сознание к обыденности перемен. «Конструктивный эклектизм» и «профессиональный дилетантизм» станут мыслительными техниками трансдисциплинарности.

Метафора о развитии науки не только «в куст», но и «в ствол» поможет осознать стремительную гибридизацию разных линий мышления: неклассической физики Нильса Бора с физиологией активности Николая Бернштейна; «уликовой» парадигмы историков (К. Гинзбург) с распознаванием «по оговоркам» глубинных мотивов поведения личности в психоанализе; культурно-исторической психологии с когнитивной нейронаукой [Фаликман, Коул 2014; Harré Rom, Moghaddam 2012].

Все эти прогнозы связываются со стартом проекта «Психология современности», в том числе со статьями, собранными в предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии «Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен», которые позволят интегрировать в общее проблемное поле такие зарождающиеся на наших глазах направления исследований, как психология неопределенности, психология сложности и психология разнообразия. И хочется верить, что эта монография станет первым шагом на пути воплощения в жизнь проекта «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия».

Литература

- Автономова 2008 – Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.
- Автономова 2009 – Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009.
- Адорно 2001 – Адорно Т. [Adorno T.] Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.
- Анкерсмит 2007 – Анкерсмит Ф. [Ankersmit F.] Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Арендт 1996 – Арендт Х. [Arendt H.] Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.
- Асмолов 1979 – Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М.: МГУ, 1979.
- Асмолов 2012 – Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.
- Асмолов 2002 – Асмолов А. Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.

Асмолов 2010 – *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, Academia, 2010.

Асмолов и др. 2013 – *Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 3–13.

Асмолов и др. 2014 – *Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* По ту сторону принципа гомеостаза: Историко-эволюционный подход к развитию сложных систем // Вопросы психологии. 2014. № 4.

Бауман 2008 – *Бауман З. [Bauman Z.]* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бек 2000 – *Бек У. [Beck U.]* Общество риска: на пути к новому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.

Белинская 2005 – *Белинская Е. П.* Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Бом 1967 – *Бом Д. [Bohm D.]* Специальная теория относительности. М.: Мир, 1967.

Боно 2015 – *Боно де Э. [de Bono E.]* Искусство думать: Латеральное мышление как способ решения сложных задач. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Бор 1970 – *Бор Н. [Bohr N.]* Избранные научные труды: В 2 т. М.: Наука, 1970.

Беккер 1998 – *Беккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.

Гарднер 2007 – *Гарднер Г. [Hardner H.]* Структура разума. Теория множественного интеллекта. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007.

Гарфинкель 2007 – *Гарфинкель Г. [Garfinkel H.]* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Гейзенберг 1987 – *Гейзенберг В. [Heisenberg W.]* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987.

Гидденс 2004 – *Гидденс Э. [Giddens A.]* Ус кользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.

Гидденс 2011 – *Гидденс Э. [Giddens A.]* Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Гуревич, Фейгенберг 1977 – *Гуревич И. И., Фейгенберг И. М.* Какие вероятности «работают» в психологии // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / Под ред. И. М. Фейгенберга, Г. Е. Журавлева. М.: Наука, 1977.

Гусельцева 2009 – *Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии гуманитарных исследований // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 16–26.

Гусельцева 2010 – *Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход к феномену информационной социализации. // Мир психологии. 2010. № 3 (63). С. 26–34.

Гусельцева 2013 – *Гусельцева М. С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование): монография. М.: Акрополь, 2013.

Гусельцева 2014 – *Гусельцева М. С.* Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход): монография. М.: Акрополь, 2014.

Данин 1962 – *Данин Д. С.* Неизбежность странного мира. М.: Молодая гвардия, 1962.

Дункер 1965 – *Дункер К. [Duncker K.]* Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.

Канеман и др. 2005 – *Канеман Д., Словик П., Тверски А. [Kahneman D., Slovic P., Tversky A.]* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.

Касавин 2013 – *Касавин И. Т.* Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013.

Келли 2000 – *Келли Дж. [Kelly G.]* Теория личности. Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.

Клочко 2005 – *Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский гос. ун-т, 2005.

Копосов 2005 – *Копосов Н. Е.* Хватит убивать кошек. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Корнилова и др. 2010 – *Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Лекторский 2001 – *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Леонтьев А. 1975 – *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев Д. 2011 – *Леонтьев Д. А.* К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // *Человек*. 2011. № 5. С. 34–46.

Лефевр 1967 – *Лефевр В. А.* [*Lefebvre V.*] Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1967.

Лиотар 1994 – *Лиотар Ж.-Ф.* [*Lyotard J.-F.*] Заметка о смыслах «пост» // *Иностранная литература*. 1994. № 1. (URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt)

Лотман 1992 – *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.

Лотман 2010 – *Лотман Ю. М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010.

Любищев 2008 – *Любищев А. А.* Расцвет и упадок цивилизации. СПб.: Алетейя, 2008.

Майнцер 2009 – *Майнцер К.* [*Mainzer K.*] Сложносистемное мышление. М.: URSS, 2009.

Марков 2010 – *Марков А.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель, 2010.

Марцинковская 2012 – *Марцинковская Т. Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // *Психологические исследования*. 2012. Т. 5. № 26. С. 7. (URL: <http://psystudy.ru>)

Мегилл 2009 – *Мегилл А.* [*Megill A.*] Историческая эпистемология. М.: Канон, 2009.

Моисеев 2000 – *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации: путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000.

Мокий 2009 – *Мокий В. С.* Основы трансдисциплинарности. Нальчик: Эльфа, 2009.

Морен 2013 – *Морен Э.* [*Morin E.*] Метод. Природа Природы. М.: Канон+, 2013.

Мотрошилова 2010 – *Мотрошилова Н. В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010.

Назаретян 2015 – *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2015.

Неопределенность... 2013 – Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Под ред. К. Вульфа, В. Савчука. СПб.: Философский факультет, 2013.

Олпорт 2002 – *Олпорт Г.* [*Allport G.*] Становление личности. М.: Смысл, 2002.

Петренко 2009 – *Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009.

Петровский 2010 – Петровский В. А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.

Поддьяков 2006 – *Поддьяков А. Н.* Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М.: Эребус, 2006.

Поддьяков 2014 – *Поддьяков А. Н.* Компликология. Создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Высшая школа экономики (Гос. университет), 2014.

- Поддьяков 2009 – *Поддьяков А. Н.* Типы соотношений интеграции и дифференциации в развивающихся системах // Теория развития: дифференционно-интеграционная парадигма / Сост. Н. И. Чуприкова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 91–102.
- Пригожин 1991 – *Пригожин И.* [Prigogine I.] Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
- Пригожин 2001 – *Пригожин И.* [Prigogine I.] Конец определенности. Ижевск: РХД, 2001.
- Пригожин 2005 – *Пригожин И.* [Prigogine I.] Определено ли будущее. Ижевск: ИКИ, 2005.
- Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* [Prigogine I., Stengers I.] Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Прохорова 2009 – *Прохорова И. Д.* Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 9–16.
- Пружинин 2009 – *Пружинин Б. И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009.
- Соколова 2015 – *Соколова Е. Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.
- Солдатова 1998 – *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Тaleb 2013 – *Тaleb Н. Н.* [Taleb N. N.] Антихрупкость: Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2013.
- Тaleb 2015 – *Тaleb Н. Н.* [Taleb N. N.] Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2015.
- Уилбер 2013 – *Уилбер К.* [Wilber K.] Теория всего. М.: Постум, 2013.
- Управление... 2006 – Управление в условиях неопределенности. Классика Harvard Business Review. Альпина Бизнес Букс, 2006.
- Урри 2012 – *Урри Дж.* [Urry J.] Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Фаликман, Коул 2014 – *Фаликман М. В., Коул М.* [Cole M.] «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. № 3. С. 4–18.
- Фейгенберг 1986 – *Фейгенберг И. М.* Видеть-предвидеть-действовать М.: Знание, 1986.
- Фромм 1990 – *Фромм Э.* [Fromm E.] Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
- Хорни 2008 – *Хорни К.* [Horney K.] Невротическая личность нашего времени. М.: Академический проект, 2008.
- Цивилизация. Восхождение и слом 2003 – Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Под ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2003.
- Человек в ситуации неопределенности 2007 – Человек в ситуации неопределенности. Под ред. А. К. Болотовой, В. П. Зинченко, А. Н. Поддьякова. М.: Высшая школа экономики, 2007.
- Чиксентмихайи 2011 – *Чиксентмихайи М.* [Csikszentmihalyi M.] Поток. Психология оптимального переживания. М.: Смысл, 2011.
- Штомпка 1996 – *Штомпка П.* [Sztompka P.] Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Эволюционная эпистемология 2012 – Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.
- Эко 2004 – *Эко У.* [Eco U.] Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004.
- Эпштейн 2004 – *Эпштейн М. Н.* Знак пробела О будущем гуманитар. наук. М.: Новое лит. обозрение, 2004.
- Bruner, Postman 1949 – *Bruner J. S., Postman L.* On the perception of incongruity: a paradigm // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. P. 206–223.
- Harre 2009 – *Harre R.* Pavlov's Dogs and Schrödinger's Cat. Oxford: OUP, 2009.

Harré Rom, Moghaddam 2012 – *Harré H. Rom, Moghaddam F. M. Psychology for the Third Millennium*. London; Los Angeles: Sage, 2012.

Harré, Marsh, Rosser 1978 – *Harré R., Marsh P., Rosser E. The rules of disorder*. London, UK: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Sternberg et al. 2010 – *Sternberg R. J., Jarvin L., Grigorenko E. Explorations in Giftedness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Вызовы неопределенности и разнообразия

Д. А. Леонтьев

Жизнь на волнах хаоса: уроки Пригожина и Талеба³

Ты хочешь постоянства, ты хочешь безопасности, ты хочешь поддерживать иллюзию контроля.

Этого трудно достичь, когда всё непрерывно меняется. Приходится постоянно быть настороже.

Но перемены неизбежны, это признак времени, это – часть существования.

Спроси физика: без перемен вселенная схлопнется.

Рам Цзы спрашивает тебя. Почему ты плоешь против ветра?

Рам Цзы. Нет пути.

Большинство людей боятся хаоса, видя в этом слове синоним всего ужасного, что только может быть. Когда мы сталкиваемся с чем-то страшным, ужасным, мы говорим: «Боже, какой хаос», подразумевая, что это явный негатив. Как правило, однако, люди обычно боятся не того, чего следовало бы. Людям часто бывает плохо из-за того, что они привыкли считать, что то, что с ними происходит, плохо. Они считают, что должно быть иначе и хотят, чтобы было иначе, поэтому то, что есть, оказывается заведомо плохо. Часто решение заключается в коррекции ожиданий: если то, что есть, будет понято как естественное, нормальное, объяснимое и закономерное, люди перестают чувствовать себя очень плохо. Вопрос в том, какую реальность и почему считать нормой. Поэтому важный вопрос – где мы устанавливаем планку нормы, откуда она у нас берется, насколько она жесткая, насколько мы сами ее осознаем, и насколько она поддается коррекции.

Идея предопределенности (и вытекающая из нее боязнь хаоса, эквивалентного ее отсутствию) – это любимая отговорка 86% человечества, которая позволяет им снять с себя ответственность за все, что с ними происходит: все предопределенно, а я тут ни при чем. Это на самом деле самоосуществляющееся пророчество: если считать, что все предопределено, то тогда оно и будет для человека предопределено, потому что он закрывает для себя возможности увидеть что-то за пределами этой предопределенности, и только человек, не верящий в предопределенность, может делать что-то непредопределенное.

Основной тезис данной статьи заключается в важности конструктивного отношения к хаосу как важной составляющей развития и в необходимости различать два положения: в волнах и на волнах. Можно по-разному относиться к одним и тем же волнам, в данном случае к волнам хаоса, и в зависимости от этого очень поразному себя ощущать.

Пригожин, Талеб и новая картина мира

Принципиальные для психологии уроки отношения к хаосу дают два мыслителя. Илья Романович Пригожин родился в Москве в 1917 г. В 10-летнем возрасте уехал с родителями в Европу и дальше жил, творил и получил Нобелевскую премию по химии под флагом Бельгии. Он стал одним из людей, которые в конце XX в. заложили основы нового понимания при-

³ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10439 «Системно-динамический анализ регуляции деятельности».

роды и естественных наук, которое сильно отличается от того классического понимания естественных наук, которое служило эталоном для К. Левина (см.: [Левин 2001]) и было связано со всеобщей законосообразностью, предсказуемостью, детерминизмом и т. д. Илья Пригожин внес решающий вклад в новое видение природы, Вселенной, создав науку о сложных системах, необратимости времени и разрывах детерминации в таких системах. Он создал новую методологию естественных наук, которая гораздо меньше отличается от методологии гуманитарных наук, чем классическая (подробнее см.: [Леонтьев 2018]).

Нассим Талеб – американский бизнес-консультант ливанского происхождения, наш современник, книги которого переведены на десятки языков. Имя и широкую популярность сделала ему книга «Черный лебедь», которая посвящена тому, насколько мы глупы, когда пытаемся предвидеть будущее на основании экстраполяции настоящего и прошлого. «Миром движет аномальное, неизвестное и маловероятное (маловероятное с нашей нынешней, непросвещенной точки зрения); а мы при этом проводим время в светских беседах, сосредоточившись на известном и повторяющемся» [Талеб 2012: 26]. Существует два рода событий: события, связанные с законом больших чисел, с нормальным распределением, с линейными закономерностями и с предсказуемостью будущего на основании текущих трендов; и события, которые не выводимы из предшествовавших состояний и процессов и которые поэтому в принципе невозможно предвидеть. Талеб показал, что люди, включая политиков, политологов и бизнес-аналитиков, склонны опираться в прогнозе будущего исключительно на первые процессы, а определяющее влияние на то, что будет, оказывают, напротив, процессы второго рода, которые в принципе невозможно предвидеть. «Наш разум – превосходная объяснительная машина, которая способна найти смысл почти в чем угодно, истолковать любой феномен, но совершенно не в состоянии принять мысль о непредсказуемости» [Там же: 41].

Пригожин и Талеб сообщают нам, что мир сложен. В сложном мире все время случается что-то, что никак нельзя было предвидеть. Другой любимый пример, которым Талеб иллюстрирует ограниченность нашего знания – это пример с рождественской индюшкой, которую откармливают на протяжении всего года. Индюшка абсолютна уверена, экстраполируя ход событий, что так будет и дальше, так будет всегда. И когда индюшку режут к рождественскому столу, это оказывается неприятным сюрпризом, который никак нельзя было вывести из того, как шли дела до сих пор [Талеб 2012: 84; 2014: 150–151]. Талеб призывает нас не быть такими индюшками и не полагаться исключительно на экстраполяцию того, что было до сих пор, учитывая возможность того, что случается помимо всех закономерностей, находится за горизонтом нашего познания и оказывает наибольшее влияние на то, что с нами происходит.

Сложность и непредсказуемость ключевых событий, влияющих на наши действия в мире, коренятся в объективных закономерностях мироустройства. «Чем реже событие, тем сложнее им управлять, и тем меньше мы знаем о том, как часто оно случается» [Там же: 26].

Хаос, которому в физике соответствует более строгое понятие энтропии, выражает неупорядоченную динамику. По сути дела, энтропия – это увеличение степени неопределенности, степени распада, степени непредсказуемости. Второе начало термодинамики говорит об увеличении энтропии в мире как необратимом процессе. Этой тенденции противостоит живое. Все живые существа снабжены специфическими механизмами, которые повышают упорядоченность в противовес всему неодушевленному. Если в мире в целом энтропия нарастает, то живое, наоборот, творит из набора рассеянных веществ сложные структуры. Жизнь начинается именно тогда, когда возникает автономный обмен веществ с окружающей средой, включающий питание, выделение и дыхание, который и позволяет строить такие упорядоченные неэнтропийные структуры. Смерть – это та точка, в которой прекращаются процессы обмена веществ. Гниение, распад – это уже процессы энтропии, абсолютно однонаправленные, никакого дополнительного усложнения не происходит, просто постепенное растворение в окружающей среде того, что было прежде организмом.

Итак, главное, чем характеризуется живое, – это процессы усложнения, процессы развития. И. Пригожин показал необратимость времени, в противовес тому, что имплицитно полагалось классической физикой и вытекало из ее уравнений. Необратимые процессы обнаруживаются и в неорганической природе, но в наибольшей степени они характерны для живого, для систем, в которых идет наращивание сложности [Пригожин 2005]. Сложность – это не просто хаос. Когда у меня в кабинете на протяжении нескольких месяцев постепенно накапливается все большее и большее количество разных книг и бумаг, которые лежат повсюду, это не означает рост сложности. Сложность увеличивается, когда я делаю генеральную уборку, раскладывая все по своим местам и все эти элементы встраиваются в структуру, которая отчасти меняется. Увеличение количества элементов сопровождается в этом случае ростом организации этих элементов в упорядоченную структуру.

В процессе развития, говорит Пригожин, возникают флуктуации, отклонения от некоторого предсказуемого хода событий. Эти флуктуации находятся поначалу в контролируемых и предвидимых пределах, но в какой-то момент могут начать нарастать. Даже в сравнительно простых, неорганических процессах, в определенных их точках процесс может свернуть либо на одну, либо на другую траекторию и определяется это случайными микроскопическими флуктуациями, которые непредсказуемы. Все пути дальнейшего развития процесса оказываются возможными, но ни один из них не является необходимым. Пригожин использовал для обозначения этого термин «бифуркация» (раздвоение), введенный А. Пуанкаре. Ранее ученые считали, что жесткая детерминированность всех процессов во Вселенной неопровержима: есть причины, есть следствия и есть законы природы, их связывающие. Представители естественных наук свысока смотрели на гуманитариев, пытающихся говорить о свободе, выборе, и так далее: в природе все так устроено, что для свободы не остается места. Пригожин показал, что это не так. Новая неклассическая наука говорит нам о том, что в сложных процессах каждая закономерность имеет некоторый «срок действия», и в какой-то точке (точке бифуркации) эта закономерность перестает действовать и процесс должен свернуть на новую траекторию. На какую – это может определяться довольно малыми воздействиями. Альтернативой детерминизму выступает самоорганизация – «выбор одного из решений, возникающих в точке бифуркации, определяемый вероятностными законами» ([Пригожин 2006: 181]; см. также: [Пригожин 1999]).

В жизни развивающихся систем, связанных с наращиванием сложности, оказывается много таких точек: после бифуркации в другой точке возникает новая бифуркация, в третьей точке еще одна... Каждый человек может окинуть свою жизнь ретроспективным взглядом и вспомнить какие-то отрезки жизни, когда все несло по рельсам, было понятно и однозначно, без вариантов, и чтобы свернуть с этой колеи, требуются нечеловеческие усилия, причем без гарантии, что получится. Эта колея может восприниматься как что-то хорошее, может как что-то плохое, но есть ощущение абсолютной безальтернативности. А бывает наоборот, стоишь на перекрестке и не понимаешь, куда свернуть, и хоть бы что-то подтолкнуло, но нет, ничто не детерминирует решения и приходится самому мучиться, внося свои соображения в эти общие процессы усложнения живых систем. Бифуркация оказывается зоной порождения нового, непредопределенного. Именно в этой зоне вырастает значение флуктуаций, то есть проявлений случайного разброса стохастически распределенных значений вокруг ожидаемой средней тенденции. Развитие любого общества осуществляется через цепь бифуркаций. Прямой и предпосылкой бифуркаций выступает кризис, поэтому кризис оказывается необходимой предпосылкой развития. «Бифуркации являются одновременно показателем нестабильности и показателем жизнеспособности какого-либо рассматриваемого общества» [Пригожин 2013: 79]. То же можно сказать и применительно к личности.

Вызов сложности и пути совладания с ним

По мере того, как нарастает неопределенность, нарастают различного рода отклонения, непредсказуемые флуктуации, система может переходить в режим, в котором есть риск, что она пойдет вразнос, начнет утрачивать свою сложность и в какой-то момент перестанет быть самодвижущейся, саморазвивающейся, самодетерминирующей. Если сложность того мира, в котором мы живем, растет, мир оказывается сложнее, чем мы в состоянии воспринять и упорядочить, переварить, и как-то с ним справиться, есть по меньшей мере три возможных способа реагирования на этот вызов сложности, который мир нам предъявляет.

Первый способ – я не выдерживаю эту сложность, перестаю даже пытаться что-то контролировать и сваливаюсь в режим механического реагирования на все, что происходит, отказываюсь от чего-либо похожего на адаптацию, попросту «схожу с ума». Это явно патологический паттерн.

Второй, наиболее распространенный вариант, не патологический в клиническом понимании, но, пожалуй, «метапатологический» в понимании А. Маслоу [1999] – это вариант упрощения мира: я не справляюсь с таким сложным миром, поэтому я его упрощу. Этот мир для меня будет прост, я его сведу к двум-трем базовым измерениям, я буду реагировать самым простым, элементарным образом: я буду слушать старших, буду следовать тому, что говорит мамочка, старший по званию или священные книги, я не буду морочиться, все слишком сложно, отстаньте, я хочу жить проще. «То же самое обстоятельство, которое понуждает нас к упрощению, заставляет нас думать, что мир менее хаотичен, чем он есть на самом деле» [Талей 2012: 128].

Третий способ – пытаться самому усложниться, то есть повышать внутреннюю организацию, развивать новое понимание, выстраивать новую структуру: структуру мира, структуру объяснения собственного поведения, структуру управления собой и своей жизнью, пытаюсь угнаться за сложностью мира. Этот путь безнадежен, мы никогда не сможем угнаться за усложнением мира, но только он ведет нас по продуктивной траектории развития. Сложность пугает, если воспринимать ее как нечто патологическое и ненормальное, но понимание того, что сложность – это продуктивная вещь и ценный ресурс, позволяет пересмотреть отношение к ней. Как-то в одном немецком университете я увидел на стене табличку-объявление: «Если бы мозг человека был настолько простым, чтобы его можно было познать, мы были бы такими тупыми, что не могли бы это сделать». Замкнутый круг, однако, ему можно радоваться, а можно печалиться. Печалиться тому, что человеческий мозг так сложен, что его не познаешь, а радоваться тому, что мы сами настолько сложны, что это дает нам какие-то шансы.

Наше время, не только в нашей стране, но и в масштабе всего человечества, характеризуется глобальным вызовом сложности и глобальной конфронтацией простоты и сложности. К этому можно, слегка утрируя, свести многие конфликты современного мира, вплоть до того, что обозначается как конфликт цивилизаций – они предстают как конфликты между стремлением к сложности и стремлением к упрощению. Личностные, психологические конфликты тоже нередко к этому сводятся: одна альтернатива, от которой человек стремится уйти, связана с культивированием сложности через усилия, через культуру, через несение бремени выбора и расширение пространства возможностей, а другая альтернатива связана наоборот с трансформацией этой сложности в простоту, в максимально простые, элементарные и традиционные схемы. Фактически, механизмы моды, механизмы конформизма, механизмы трансформации того, что когда-то было культурой в массовую культуру, в то, что сейчас называется словом формат, – это всё разные проявления редукции сложности. Отказ от сложности в пользу простоты, которая нередко сейчас в условиях тех вызовов, которые стоят перед человечеством, хуже воровства, как говорит пословица. Собственно говоря, вся массовая культура – это форма

жизни, которая направлена на поддержание исключительно низших, произвольных психических функций, по Л. С. Выготскому, в ущерб высшим, произвольным, осознанным (см.: [Леонтьев 2010]).

Сложность, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Она идет рука об руку с непредсказуемостью, неопределенностью, неизвестностью, вместе с тем она идет одновременно рука об руку с эволюцией, расширением возможностей, креативностью. М. Чиксентмихайи [2017] в своей книге «Эволюция личности» писал про эволюционную роль вызова сложности и про наращивание сложности как главный механизм развития личности. Еще раньше, в книге «Поток» [Чиксентмихайи 2011] он, по сути дела, дал объяснение того, зачем нужно развиваться, в чем состоит механизм, обуславливающий необходимость человеческого развития. Оказывается, что решение задач на грани наших возможностей дает ни с чем не сопоставимое переживание потока, оптимальное переживание, как характеризует его Чиксентмихайи, которое представляет собой особую разновидность счастья, которую другими способами получить нельзя. Повторное решение той же задачи уже не даст переживания потока, необходимо усложнить задачу, тогда ее решение принесет чувство потока, но чтобы справиться с более сложной задачей, необходимо усложниться самому. Если альпинист залез на вершину и испытал экстаз, он не испытает его еще раз, вторично покорив эту вершину, нужна уже другая. Получается, что развитие и усложнение являются условиями получения снова и снова уникальных переживаний потока, чувства радости и это дает убедительное объяснение того, какова мотивация вложения усилий в собственное развитие.

Поэтому бегство от сложности, уход от сложности – это путь, который с одной стороны лишает нас переживаний потока, с другой стороны, он увеличивает риск при дальнейшем усложнении пойти вразнос, утратить контроль над собой и психологическую целостность. Эволюция всегда заключается в движении от простого к сложному: более высоко эволюционно продвинутый организм сложнее, чем менее высоко эволюционно продвинутый организм. И здесь большую роль играют вариации, отклонения. Изменчивость в эволюционном процессе играет примерно такую же роль, как и изменчивость в психологическом, социальном развитии. Об этом говорит историко-эволюционная теория А. Г. Асмолова [2007], который показал, что именно через позитивные отклонения в развитии личности происходит развитие общества в целом. Это недетерминированный, самоорганизующийся процесс. Сначала возникает множество индивидуальных вариаций, потом эти вариации подвергаются отбору. Историческая эволюция сходна с биологической эволюцией по Дарвину, причем источником вариативности и изменчивости выступает личность, а социум, любая социальная структура играют консервативную роль, направлены всегда на сохранение статус-кво. И вот этот вариативный фактор в лице индивидуальности борется всегда с консервативным фактором в лице общества, сообщества, социума, и в каких-то случаях полезные флуктуации пробивают себе дорогу, что приводит к изменению целого. Источником любых инноваций является личность. Вариации задают новые потенциальные перспективы развития, а социальная среда может поддерживать инновации либо пресекать их.

Порядок из хаоса

Книга Н. Талеба «Антихрупкость» с подзаголовком «Как извлечь выгоду из хаоса» [Талеб 2014] представляет собой развитие его предыдущих идей и раскрывает правильную и неправильную стратегии взаимодействия с окружающим хаосом. Правильную стратегию Талеб называет «антихрупкость» – это то, что позволяет обратить на пользу стрессы, отклонения, трудности, вариации. Талеб, с присущими ему многочисленными повторениями, показывает, что в нашей жизни сталкиваются две стратегии: стратегии «хрупкоделов», пытающихся все предусмотреть, предсказать, детерминировать, контролировать и избегать любых стрессов,

всего непредсказуемого, и вторая – стратегия антихрупкости. Критерии различения механизмов антихрупкости и хрупкости, по Талебу, довольно просты:

Все то, что от случайных событий (или каких-то потрясений) скорее улучшается, чем ухудшается, антихрупко; обратное свидетельствует о хрупкости [Там же: 22];

Если почти все то, что навязывается нам сверху, делает нас хрупкими и блокирует антихрупкость и развитие, все то, что идет снизу, наоборот, процветает от правильной дозы стресса и беспорядка [там же: 23].

Хрупкость не любит переменчивости, а также всего другого, что вносит дополнительную сложность в картину мира. Хрупкоделы верят в то, что события имеют причины, которые поддаются познанию и управлению. Антихрупкость примиряется с их отсутствием или непознаваемостью.

Антихрупкое, пройдя сквозь испытания, становится лучше прежнего. Этим свойством, – говорит Талеб, – обладает все, что изменяется со временем: эволюция, идеи, революции, политические системы, технические инновации, процветающая культура и экономика, выжившая фирма, хорошие кулинарные рецепты... Даже человечество, как вид на этой планете. <...>Уникальность антихрупкости состоит в том, что она позволяет нам работать с неизвестностью, делать что-то в условиях, когда мы не понимаем, что мы именно делаем, – и добиваться успеха [Талеб 2014: 20].

По большому счету нам лучше удастся делать что-то именно благодаря антихрупкости. «Стремясь к порядку, вы обретете псевдопорядок; мерило порядка и контроля вы получите, только если раскроете объятия для случайности» [там же: 25].

В качестве прототипа этой идеи можно рассматривать введенный Э. Фроммом [1992] конструкт биофилии-некрофилии. Некрофилия, по Фромму, – это, по сути, отказ от всего, что не может быть сведено в какую-то жесткую систему, в порядок. Идеал некрофила – это идеал порядка, а как известно, идеал порядка – это кладбище. Они холодны, держатся на дистанции и привержены закону и порядку. Не живое, а мертвое возбуждает и удовлетворяет. Для некрофила характерна установка на силу. И в конечном итоге всякая сила покоится на власти убивать, сила есть способность превратить человека в труп. Они готовы убивать и умирать за то, что они называют справедливостью. И именно на некрофильных тенденциях в людях основывается влияние и популярность людей типа Гитлера и Сталина. Некрофил движим потребностью превращать органическое в неорганическое, он воспринимает жизнь механически, будто все живые люди являются вещами. И для него существенно обладание, а не бытие. Живое, напротив, не поддается контролю, не поддается управлению. Установка на жизнь биофила функциональна, а не механистична, биофильная этика основана на том, что добро есть все, что служит жизни, а зло есть все, что служит смерти, радость есть добродетель, а печаль есть грех. Живой ребенок всегда является источником тревог и неожиданностей. Если мать требует, чтобы он существовал в очень жестких рамках, которые она ему задает и не проявлял ничего, сверх того, что она от него ожидает и требует, она, говорит Фромм, может задушить его радость жизни, веру в рост и заразить его, в конце концов, собственной некрофильной ориентацией. Не только Фромм, но и целый ряд других авторов подчеркивают, что мертвое является частью нашей жизни, главный вызов которой – борьба с мертвым в самой себе, и что мертвое тождественно линейности, однозначности, предсказуемости. «Если бы я умел предсказывать все то, что случается со мной за день, я ощущал бы себя едва ли не трупом» [Талеб 2014: 106].

По большому счету, оптимальная стратегия, которой может пользоваться человек в жизни – не пытаться все запланировать. Это не значит, что ничего не надо планировать, это значит только, что надо спокойно относиться к своим собственным планам, возможностям,

тому, что что-то будет не так. Р. Бах [2008] говорил, что наша жизнь – это то, что начинается, когда наши планы терпят крах. Эта идея для психологии совершенно не новая, уже неоднократно высказывавшаяся. Я хочу только подчеркнуть: попытка сделать жизнь детерминированной, полностью определенной и предсказуемой означает отрицание чего-то самого важного в ней. Идея о том, что все главное рождается здесь и теперь и в большой степени зависит от нас, что всегда есть варианты и возможности на что-то повлиять, которую давно продвигает, прежде всего, экзистенциальная философия и экзистенциальная психология, оказывается сейчас не чем-то маргинальным и экзотическим на фоне строгой науки, как это было раньше. Напротив, она находит очень серьезную поддержку в методологии современного естествознания и находится в полном соответствии как с современными основополагающими представлениями в области естественных наук, так и с представлениями в плане социальной теории, если то, что делает Талеб, обозначить как социальную теорию и практику (он всегда подчеркивает, что то, что он говорит, апробировано его собственной практикой и для него не существует такой теории, которая оторвана от практики).

Хаос как неуправляемая стихия перестает восприниматься как источник одних страхов. Взаимодействие с хаосом, как и с любой стихией, предполагает определенные навыки и компетенции, владея этими навыками и компетенциями, можно испытывать от этого взаимодействия не страх, а нечто противоположное. Так, человек, который не умеет плавать или плохо плавает, испытывает ужас перед такой стихией, как большая вода, но человек, который умеет хорошо плавать, испытывает наслаждение в той же самой большой воде: он на волнах, а не в волнах. И самое важное – это осознавать, что непредсказуемость, хаос и сложность, с которой часто не знают, что делать, это нормально, а если кажется, что все понятно, ясно и предсказуемо, это чаще всего иллюзия. Развитие и рост внутренней сложности помогает нам избавиться от иллюзий предвидимости и управляемости и быть готовыми к различным неожиданностям и к различным возможностям. А это и есть наиболее продуктивная стратегия в сложном, часто хаотическом мире в условиях хаоса.

Неопределенность, предельным выражением которой является хаос – это свойство жизни, по отношению к которому большинство людей испытывают широкий спектр отрицательных эмоций от дискомфорта до паники и стараются ее в своей жизни минимизировать (см. подробнее: [Леонтьев 2015]). Это нормально, это правильно, потому что любая деятельность связана с ограничением неопределенности; любая цель, любой выбор – это превращение неопределенности в частичную определенность, превращение. Однако жизнь сама постоянно порождает неопределенность (энтропию). Мир порождает энтропию, а живые системы, в особенности самодетерминируемые субъекты, преобразуют энтропию во что-то более упорядоченное, способны вырабатывать из этой неопределенности частичную определенность, порядок из хаоса, понимая при этом, что неопределенности все равно будет оставаться много. Неопределенность и определенность таким образом не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, как Инь и Ян. И то и другое присутствует в жизни, ни то ни другое нельзя абсолютизировать, однако по влиянию на нашу жизнь они асимметричны: «Живущий иллюзией стабильности хрупок; живущий иллюзией переменчивости неуязвим и даже антихрупок». Философ А. Бадью [2013] назвал это «готовность к событию»: готовность к тому, что может быть все, что угодно, есть тот главный инструмент, та главная способность, которую нам важно поддерживать в себе и в тех, с кем мы работаем, одновременно учась этому у них. Другой термин для обозначения этой способности – преадаптация [Асмолов и др. 2017] – не адаптация к тому, что есть, а преадаптация к тому, чего еще нет, но что может быть. Это и есть то, что позволяет нам держаться на волнах в этой жизни.

Парадоксальным образом, именно изменчивость обеспечивает максимальную устойчивость. Современные подходы к феномену посттравматического роста – парадоксальных позитивных изменений, наступающих как следствие психической травмы, – объясняют эти

эффекты тем, что травма разрушает те заострившиеся бывшие когда-то адаптивными стереотипы реагирования, которые мешают нам меняться и развиваться дальше, и возвращает нам способность меняться, развиваться и приспособливаться к новому ([Ford et al. 2008]; см. также: [Леонтьев 2016]). «Одно из посланий жизни: без перемен нет стабильности» [Талев 2014: 172].

«Принято говорить: “Мудр тот, кто умеет провидеть будущее”. Нет, тот поистине мудр, кто знает, что далекое будущее неведомо никому» [Талев 2012: 268].

Литература

Асмолов 2007 – *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Академия, 2007.

Асмолов и др. 2017 – *Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 1–23.

Бадью 2013 – *Бадью А.* Философия и событие. М.: ИОИ, 2013.

Бах 2008 – *Бах Р.* Карманный справочник Мессии. М.: София, 2008. Левин 2001 – *Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев 2010 – *Леонтьев Д. А.* Культурное потребление в антропологическом и психологическом контексте // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И. М. Быховской. М.: Смысл, 2010. С. 217–241.

Леонтьев 2015 – *Леонтьев Д. А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (40). (URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html>)

Леонтьев 2016 – *Леонтьев Д. А.* Удары судьбы как стимулы личностного развития: феномен посттравматического роста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Под ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 144–158.

Леонтьев 2018 – *Леонтьев Д. А.* Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 5–14.

Маслоу 1999 – *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.

Пригожин 1999 – *Пригожин И.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: журнал «Регулярная и хаотическая динамика», 1999.

Пригожин 2005 – *Пригожин И.* Определено ли будущее? 2-е изд., испр. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.

Пригожин 2006 – *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: КомКнига : URSS, 2006.

Пригожин 2013 – *Пригожин И.* Кость еще не брошена // Синергетика. Антология / Науч. ред., сост., автор пер. и вступит. статьи Е. Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 76–82.

Талев 2012 – *Талев Н. Н.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2012.

Талев 2014 – *Талев Н. Н.* Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2014.

Фромм 1992 – *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.

Чиксентмихайи 2011 – *Чиксентмихайи М.* Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл: Альпина Нон-фикшн, 2011.

Чиксентмихайи 2017 – *Чиксентмихайи М.* Эволюция личности. М.: Альпина нонфикшн, 2017.

Ford et al. 2008 – *Ford J. D., Tennen H., Albert D.* A contrarian view of growth following adversity // *Trauma, recovery, and growth: Positive psychological perspectives on posttraumatic stress* / Ed. by S. Joseph, P. A. Linley. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008. P. 297–324.

Д. А. Леонтьев

Неопределенность как центральная проблема психологии личности⁴

*Но только тот, кто готов ко всему, даже самому загадочному,
сможет утвердить живое отношение к другому человеку и исчерпать
все возможности своего существования.*

Р. М. Рильке

Говоря о специфических особенностях нашего времени, а также о прогнозируемой специфике XXI в. в целом, все чаще называют растущую и расширяющуюся неопределенность, затрагивающую все аспекты сегодняшней жизни «изменяющейся личности в изменяющемся мире» [Асмолов 2001]. Это относится не только к психологии, но и к наукам о человеке вообще, и связывается, в первую очередь, с ускорением развития человечества. «Неопределенность является определяющим элементом культуры. Условием для создания человеком какого-либо продукта деятельности, в том числе и творческой... Неопределенность является неотъемлемым условием свободной, продуктивной и счастливой жизни человека» [Вульф 2013: 6]. К российской цивилизации это относится, возможно, больше, чем к любой другой (см.: [Осипов 2013]).

Целью данной статьи является рассмотрение тех следствий, которые вытекают из этого для сегодняшней психологии, прежде всего для психологии личности.

В. П. Зинченко [2007] и Т. В. Корнилова [2010; Корнилова и др. 2010] не без оснований говорят о *принципе неопределенности*, который стал в нашем столетии не менее значимым, чем принцип детерминизма. «Неопределенность при этом выступает тем “полем” взаимодействий, на котором разворачивается активность человека, отвечающего вызовам как конкретной ситуации, так и, в более широком контексте, собственной судьбы» [Там же: 9]. Менее очевидна необходимость выделения *психологии неопределенности* в отдельную область психологии [Там же: 8], как раз потому, что эта проблема настолько значима, что пронизывает собой всю психологию. В психологии личности она выступает, в частности, как *вызов неопределенности* – объективная характеристика человеческой жизни, к которой возможно разное отношение. В данном параграфе мы рассмотрим проблему неопределенности именно под этим углом зрения – каковы психологические предпосылки и следствия различного отношения к проблеме неопределенности.

Вызов неопределенности в современном мире

На протяжении XX в. мы наблюдаем в науках о человеке разные проявления движения в направлении от понимания мира как прочного, стойкого, предсказуемого, управляемого и детерминированного к пониманию его как в большей своей части неуправляемого, недетерминированного, непредсказуемого, неоднозначного. Это проявляется по меньшей мере в трех ключевых областях: *изменение образа человека, изменение образа науки и изменение статуса ценностей* (см.: [Леонтьев 2007]).

Во-первых, XX в. дискредитировал все ранее существовавшие образы человека. Хорош человек по своей природе или плох (своекорыстен, эгоцентричен и не заслуживает доверия)?

⁴ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-03401. Впервые опубликовано: Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. 8 (40). 2. (URL: <http://psystudy.ru>)

Эти два образа человека конфликтовали в культуре последние 500 лет, но XX в. показал, что ни тот, ни другой образ не выдерживает проверку реальностью. Как начали понимать наиболее глубокие мыслители, природа человека заключается в том, что у него нет никакой фиксированной природы [Фромм 1992; Фромм, Хирау 1990], сущность его – возможность развиваться в любом выбранном направлении. Проблема оказалась перевернута. Единственное, что можно сказать про человека: он очень разный, он не равен самому себе и тем более не равен своему ближнему, он выходит за пределы заданного, и суть его – в трансценденции [Giorgi 1992], с той оговоркой, что и эту возможность конкретный человек может не осуществлять.

Во-вторых, как показывает выдающийся методолог естествознания Илья Пригожин [1991], на протяжении XX в. в корне изменился образ науки. Раньше считалось, что наука описывает стабильные, детерминированные процессы. Однако чем больше наука познавала природу, тем дальше от реальности оказывалась эта картина. Пригожин получил Нобелевскую премию за открытие в неорганической природе особого рода процессов, которые он назвал «бифуркационные процессы» (см.: [Пригожин, Стенгерс 1986]). Это процессы не детерминированные полностью, в них возникают точки разрыва детерминации, где процесс может принять разные направления, и конкретное направление, которое процесс примет, ничем не определено. Всеобщая и полная детерминированность материального мира и человеческого поведения оказывается иллюзией. Более того, только в неравновесных системах, описываемых нелинейными уравнениями, имеющих более одного решения, могут возникнуть уникальные, индивидуальные события, с чем имеет место любой психотерапевт и клинический психолог. И именно в таких неравновесных системах, как писал Пригожин, возможно и расширение масштабов самой этой системы, т. е. изменение её отношения к внешнему миру, к внешней среде системы. Другими словами, только в таких системах может происходить подлинное развитие.

Наконец, *в-третьих*, картину мира, существовавшую тысячелетия и выводившую все вопросы этики и практической философии из исторически сложившихся в данной культуре незыблемых ценностных оснований, которые предстают как самоочевидные, сменила постмодернистская картина мира. Постмодернизм, возникший в XX в., философски корректно доказал, что объективных оснований у всех этих ценностных систем нет, если не считать истории их принятия на определенной территории. Однако постмодернизм не предложил никакой содержательной альтернативы утверждению полной относительности всех ценностных критериев, следствием чего выступает нарушение регуляции социальной жизни согласно известной формуле: если Бога нет, то все дозволено. Единственный выход из этого тупика обнаруживается через создание личностью внутренней структуры и принятие ответственности за основания своего поведения, самостоятельную выработку субъективных критериев в отсутствие каких-либо объективных внешних оснований для этого [Тулчинский 2002]. Это экзистенциальный путь, который нелегко, но безальтернативен.

С проблемой неопределенности в полной мере столкнулись те поколения россиян, чье формирование пришлось на советские времена, ведь главной их характеристикой была полная определенность, «уверенность в завтрашнем дне». Когда Советский Союз распался, стали возникать разнообразные социально-психологические явления, связанные с нарушением определенности и отсутствием привычки к непредсказуемости жизни. Например, в 1990-е годы нарушился естественный механизм передачи опыта от поколения к поколению, от старших к младшим, потому что опыт старшего поколения внезапно оказался неработающим в резко изменившихся условиях, а дети-подростки гораздо быстрее усваивали новые «правила игры» в неопределенности, в которой ничего не было гарантировано, быстрее и успешнее адаптировались к изменившейся и усложнившейся реальности и стали учить старших, как жить, помогать им адаптироваться и понимать, что происходит. Еще одно проявление того же стремления к определенности заключалось в том, что 17 млн. членов КПСС, насчитывавшихся в последние годы Советского Союза, внезапно куда-то подевались, однако обнаружилось еще большее

число православных. Социологи видят в этом переключение на другую систему идеологических ориентиров: они могут быть заменены, главное, чтобы люди чувствовали себя спокойно, уверенно. *Потребность людей в определенности картины мира сильнее, чем потребность в истинности этой картины или хотя бы в ее правдоподобии.* Известно, что во времена социальных катаклизмов, смут и неопределенности резко вырастают обороты индустрии гадалок, астрологов, эзотериков и прочих торговцев определенностью, однозначностью и знанием будущего.

Таким образом, неопределенность является главной, неотъемлемой характеристикой жизни в нашем мире. В нем очень много неопределенности, и она абсолютна, а отрезки определенности – относительны. Это, конечно, напрягает, настораживает, беспокоит и вызывает к жизни стремление защититься от неопределенности. Гераклиту приписывают фразу: «Берегись, чтобы не стало сомнительное несомненным». Из этого стремления вытекает много важных психологических следствий, влияющих на деятельность выбора.

Проблема взаимодействия с неопределенностью

Прежде всего необходимо понять природу неопределенности: она объективна или субъективна, характеризует саму жизнь или наше сознание? В. А. Кувакин и В. П. Ковалева [2006], анализируя природу неизвестности, называют ее третьей действительностью, наряду с бытием и ничто. Думается, что таким третьим онтологическим состоянием скорее может выступать именно неопределенность, потому что неизвестность – это не онтологическая, а гносеологическая характеристика, нечто может быть вполне определенным в своих законах и следствиях, но по тем или иным причинам неизвестным субъекту. Более того, одно и то же явление может быть известно одному субъекту и неизвестно другому, тогда как характеристика явления как определенного или неопределенного не допускает вариаций, зависящих от ракурса рассмотрения. Поэтому важно не смешивать неизвестность и неопределенность. Говоря про неопределенность, мы тем самым имеем ввиду нечто объективно неопределенное, связанное с мироустройством, а не с ограниченностью нашего познания. Говоря об объективном, мы имеем ввиду только то, что речь идет об устройстве мира вне зависимости от того, насколько мы хорошо в этом устройстве разбираемся.

Развитие в онтогенезе закономерно начинается с того, что необходимо усвоить достаточно ясную картину мира. Мы должны научиться реальности, понять, в каком мире мы живем, и для этого ребенку нужна как можно более четкая определенность: что на самом деле есть. Это четко видно в структуре сказок, а именно на них и вырастают дети. В сказках все однозначно. В сказках добро и зло четко разведены. Одни свои – другие чужие, добро побеждает, зло отступает – в фольклоре и в детских книгах эта картина максимально однозначна. Литература для более старших читателей начинает включать в себя полутона и неоднозначность. Во взрослой литературе все максимально неоднозначно, зыбко, все основано на игре смыслов, на переливах, на неясности. Правда, существует еще (и в последнее время выдвигается на передний план) особая детская литература для взрослых, у которых сохраняется детская, простая, однозначная картина мира и потребность в схематизмах: справа наши, слева не наши, все остальное – от лукавого; справа хорошее, слева плохое. Массовая культура полностью поддерживает эту упрощенную, однозначную картину мира, и огромное количество художественной продукции представляет собой варианты такой «сказочной» литературы: боевики для больших мальчиков, любовные романы для больших девочек. По структуре они воспроизводят детскую литературу: никакой неопределенности и неоднозначности, никакой непредсказуемости, сделать все максимально узнаваемым, для того чтобы люди продолжали верить в свою простую и надежную картину мира.

Здесь речь идет о проблеме, которую М. Чиксентмихайи назвал «вызов сложности» современного мира [Csikszentmihalyi 2006]. Он связан с тем, что мир становится все сложнее и сложнее с каждым годом, что ставит перед индивидом проблему, как с такой сложностью справиться, что с этим делать. Вызов сложности можно принять, а можно отвергнуть, уйти от него. Принимая вызов сложности, человек сам старается усложниться, продолжая развиваться всю свою жизнь. *В современном мире есть много возможностей развиваться до глубокой старости и смерти, не останавливаясь в этом процессе, но также много возможностей НЕ развиваться, остановиться максимум после достижения совершеннолетия и забыть про дальнейшее усложнение и развитие под лозунгом «не грузиться, не париться», навсегда замереть в состоянии блаженного покоя.* Это два противоположных способа реагирования на вызов сложности современного мира, который содержит достаточно возможностей и для одной, и для другой стратегии. Поэтому личностное развитие после достижения совершеннолетия – процесс необязательный, факультативный [Леонтьев 2013].

Усложнение современного мира действительно вызывает большое напряжение, неприятные, беспокоящие чувства. Философ и культуролог Михаил Эпштейн, анализируя данную проблему в статье «Информационный взрыв и травма постмодерна», писал, что мир не просто усложняется; усложнение мира настолько ускоряется, что отдельно взятый человек уже не в состоянии за ним угнаться, усвоить общечеловеческий опыт, который растет все быстрее. Разрыв между совокупным опытом всего человечества и индивидуальным опытом каждого отдельного человека, писал Эпштейн, увеличивается по экспоненте. Это часто вызывает у современных людей переживания, напоминающие симптоматику посттравматического стрессового расстройства; Эпштейн называет подобное расстройство «травма постмодерна» [Эпштейн 2005: 45–51]. Не случайно в образовании на передний план выступают идеи вариативного образования [Асмолов 2012] и вероятностного образования [Лобок 2001]. Мы не можем учить детей тому, как мир точно, однозначно устроен, за пределами естественных наук. Важнее готовить их к тому, чтобы жить в мире, где возможно разное. Человек, который готов к неопределенности, неизвестности, будет действовать иначе, чем человек, сориентированный на известность, определенность, ожидаемость.

Психологическая проблема отношения к неопределенности во многом коренится в том, что само понятие неопределенности трудно вписывается в картину мира большинства людей. Д. Канеман в своих исследованиях, удостоенных Нобелевской премии по экономике [Канеман и др. 2005], и Н. Талеб [2012] в своей книге «Черный лебедь», получившей всемирное признание, раскрыли многие механизмы упрощения нами картины реальности, в частности, сведения неопределенности к определенности, сомнительного к несомненному, по Гераклиту. «Наш разум – превосходная объяснительная машина, которая способна найти смысл почти в чем угодно, истолковать любой феномен, но совершенно не в состоянии принять мысль о непредсказуемости» [Там же: 41]. В другой своей книге он обосновывает значимость в современном мире психологической характеристики, которую он, за неимением более подходящего термина, называет «антихрупкость». Суть антихрупкости, ее уникальность «состоит в том, что она позволяет нам работать с неизвестностью, делать что-то в условиях, когда мы не понимаем, что именно делаем – и добиваться успеха» [Талеб 2014: 20].

Виды неопределенности и психологические реакции на нее

В психологических исследованиях последних 2–3 десятилетий проблема неопределенности обсуждается достаточно регулярно и в разных контекстах, облекаясь в несколько схожие, но не совпадающие между собой термины, связанные с неоднозначностью, сложностью, неопределенностью, непредсказуемостью и так далее, в частности, «*uncertainty*», «*ambiguity*» и «*indeterminacy*». Эти понятия выражают разные аспекты неопределенности; были попытки

соотносить их друг с другом (см., например: [Корнилова и др. 2010]). Все более важной переменной в исследованиях личности становится толерантность к неопределенности, для диагностики которой предложена не одна методика (см. обзоры: [Гусев 2011; Корнилова и др. 2010; Осин 2010]).

Понятие «*ambiguity*» характеризует амбивалентность, двусмысленность, нарушение стереотипов. Возвращаясь к развитию литературных предпочтений от абсолютно определенных сказок к содержащей немало неопределенности взрослой литературе, можно продолжить этот вектор к абсурдистской литературе, с ее минимумом определенности и максимумом неопределенности. В недавнем исследовании, на основании модели сохранения смысла Т. Прул и К. Вос, которая предсказывает, что при угрозе смыслу включаются компенсаторные механизмы утверждения смысла в других сферах, было показано, что при столкновении с абсурдистскими произведениями, нарушающими обычную смысловую логику, возникает повышенная потребность – что проявляется на последующих этапах эксперимента – утверждать смысл какими-то другими способами. Этого не происходит при воздействии реалистических или абстракционистских произведений [Proulx et al. 2010]. Таким образом, амбивалентность ощущается как фрустрация стремления к смыслу.

Следующее понятие – «*uncertainty*» – неопределенность в строгом смысле слова. За понятиями «*intolerance to uncertainty*» и «*intolerance to ambiguity*», то есть интолерантность к неопределенности и интолерантность к двусмысленности, стоит много схожих проявлений, однако между ними есть и важные различия. В контексте познавательной активности вторая рассматривается как «толерантность к неясности, двусмысленности, многозначности стимулов, сложности их интерпретации», а первая – как «толерантность к неуверенности при недостаточной информированности» [Корнилова и др. 2010: 39]. Иное основание для их различения выделяют канадские психологи, сопоставлявшие их в основном в клиническом аспекте [Grenier et al. 2005]. Было показано, что о двусмысленности говорят, имея ввиду восприятие того, что существует сейчас, в настоящем, а неопределенность характеризует будущее.

В анализе проблемы неопределенности на передний план выступают разные аспекты отношения к будущему. Будущее – это то, чего пока еще нет и не было, и мы не можем знать точно, будет ли, однако постоянно чего-то ожидаем, обычно с высокой степенью субъективной определенности. Тем не менее всегда есть шанс, что наши ожидания нарушатся, они не обязаны оправдаться. Одним из главных компонентов многих невротических проблем являются излишне жесткие ожидания, чрезмерная степень субъективной определенности, которая превышает объективную предсказуемость. Будущее вообще непредсказуемо, способность знать будущее – атрибут Бога, но никак не смертного человека. Конечно, с той или иной степенью уверенности можно что-то прогнозировать, ожидать, планировать, однако предсказуемость будущего, в том числе наших собственных действий, всегда, мягко говоря, неполная. Это вызывает у нас, смертных, большие проблемы, потому что мы не хотим примириться с непредсказуемостью будущего, закономерно порождает специфическую форму психологической защиты: уверенное «знание» того, что будет.

Признание, что будущее не определено, порождает тревогу, чувство неприятное, которое иметь не хочется, и лучше бы, чтобы его не было. Однако тревога – очень важное приобретение человека, это инструмент взаимодействия с будущим. Тревога показывает нам, что перед нами что-то, чего мы не можем предвидеть. Если мы не станем обращать внимание на сигналы тревоги, будем бороться с обычной, нормальной тревогой, пытаться вытеснить ее из жизни, то она все равно вернется, только еще в более разросшемся виде, и превратится в клиническую, патологическую тревогу [Мэй 2001; Леонтьев 2003].

В русле экзистенциальной философии и психологии тревога, вытекающая из непредсказуемости будущего, давно описана как неотъемлемый атрибут человеческого существования. Все люди смертны, мы не знаем, что будет дальше, знаем только, что непременно умрем, но

не знаем, когда, где и при каких обстоятельствах. В результате непредсказуемости будущего возникает естественное человеческое переживание тревоги, которое из жизни не устранить. С тревогой не надо бороться, с ней надо примириться, вести диалог, включать ее в жизнь, потому что тревога помогает нам различать определенность и неопределенность, реальность и иллюзии.

Само определение экзистенциального мировоззрения наиболее точно было бы сформулировать, опираясь на идею неустранимой неопределенности. *Суть экзистенциального мировоззрения состоит в отношении к жизни как к тотальной неопределенности, единственным источником внесения в которую определенности выступает сам субъект, при условии, что он не считает свою картину мира априори истинной и вступает в диалог с миром и другими людьми для верификации этой картины.*

Различение неопределенного и определенного очень важно для языка. М. Н. Эпштейн [2004] в работе, посвященной анализу картины мира на основе частотных словарей, обратил внимание на то, что самым частотным словом в английском языке является – с большим отрывом – определенный артикль *the*, и во всех языках, в которых есть артикли, определенный артикль – самое частотное слово. Главным измерением картины мира в этих языках выступает, таким образом, различие определенного и неопределенного. Можно предположить, что это различие служит главным измерением человеческого существования. В русском языке, однако, артиклей нет. И не случайно тем, кто мыслит и говорит на русском языке, присуща проблема размытости границ между тем, что ясно, достоверно и определено, и тем, что неясно, недостоверно и неопределенно. Многие изгибы и виражи нашей истории связаны с неразличением реальности и сказки, идеала, иллюзии, которые ощущались как более достоверные, чем реальность.

Третье упомянутое понятие – «*indeterminacy*», дословно – «непредопределенность» – связано с дихотомией фактичности и возможности, с проблемой детерминизма. Все в жизни предопределено – или предопределенность неполная. На заре человечества в основном исходили из того, что все в руках богов, все предначертано и все, что будет, уже заранее известно. Но уже даже в Древней Греции появились «герои». В основном, это отпрыски богов по боковой линии (то есть в них течет кровь олимпийских богов), они обладают свободой, и боги не предсказывают им путей; наоборот, герои могут проявить свой нрав по отношению даже к богам.

К XIX в. эстафету утверждать полную предсказуемость и предначертанность от религии приняли естественные науки, оперировавшие понятием материального единства мира, в котором все по определению детерминировано. Однако в науках о человеческом мозге и поведении в последнее время иллюзия тотальной определенности уступает место признанию принципиальной неопределенности и важности становления механизмов взаимодействия с ней [Glimcher 2005]. Поведение и психические процессы человека не полностью подчиняются жестким причинно-следственным закономерностям. В них имеется не только необходимое, причинно-обусловленное, но еще и многое, что относится к категории возможного. Необходимое – это то, чего не может не быть, а возможное – это то, что может быть, а может и не быть. Возможность возникает в разрыве детерминации. *Понятие возможности связано с понятием неопределенности, неопределенность означает наличие альтернативных возможностей. И наоборот, возможность может появиться только там, где неполная определенность.* Мы говорим про возможность, когда что-то в будущем реализуется через наши собственные действия и другим способом реализоваться не может. Когда что-то случается либо не случается вне зависимости от наших собственных действий, мы говорим про вероятность (см. подробнее: [Леонтьев 2014]). Задача заключается в том, чтобы мы сами доопределили то, что недоопределено до конца. Самодетерминация означает, что мы сами участвуем в этом процессе определения, детерминизма реального мира. М. К. Мамардашвили метафорически

говорил, что мир еще не создан до конца к нашему появлению в нем, не все задано заранее, и каждый человек соучаствует в этом, досоздавая мир [Мамардашвили 1997].

Современный французский политический философ Ален Бадью вводит очень важное понятие «готовность к событию» как особенность стратегии человека, который готов к ситуации неопределенности.

«Быть готовым к событию» – значит быть в субъективном расположении, позволяющем признать новую возможность. ...Готовить событие – значит быть расположенным его принять... Быть готовым к событию – значит быть в таком состоянии духа, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями [Бадью 2013: 20–21].

Отсюда вытекает, что неопределенность, помимо неприятных эмоций, содержит в себе важный, позитивный потенциал для человека, который может, выработав в себе адекватную позицию по отношению к неопределенности, ощутить присущие ей позитивные возможности.

Готовность к событию представляет собой, по сути, готовность к неопределенности, или готовность к выбору (последний термин кажется нам наиболее точным) (см.: [Леонтьев и др. 2011]). В. П. Зинченко [2007: 22] называет готовностью к выбору нефиксированную установку, по Д. Н. Узнадзе, отмечая, что В. А. Лефевр считает такую готовность атрибутом всего живого. Еще раз уточним: речь идет о готовности к разным возможностям, готовности делать и реализовывать здесь и теперь выбор, не предопределенный заранее.

Большинство людей к неопределенности относятся скорее негативно. Клинический анализ проблемы субъективной неопределенности позволил описать пять типов ее переживания, из которых четыре носят негативный характер [Соколова 2015: 45–46]. Первый тип – всепоглощающий негативный аффект, содержание которого составляет непереносимая тревога. Второй тип – тоже отрицательные эмоциональные состояния, но доминирует более легкая феноменология: двусмысленность, амбивалентность, многозначность, непредсказуемость, противоречивость, запутанность, сложность. Третий тип характеризуется полной непереносимостью неопределенности как ситуации отсутствия доступа к внутренним ресурсам Я. Результат – крайняя зависимость от социального окружения, конформизм, отказ от собственной системы эталонов, подчинение авторитету, режиму, власти, нивелирование собственного Я. Четвертый тип – маниакальная проекция, опьянение, трансгрессия и хаос, отсутствие всех и всяческих границ, любых сдерживающих нормативов и правил по нарциссически-перфекционистскому типу. И последний тип – это переживания, окрашенные позитивным эмоциональным тоном: любопытство, поисковая надситуативная активность, игра фантазии, порождение новых смыслов, радость, азарт, связанные с удовольствием исследования, и инсайты, приводящие к творческому и осмысленному преобразованию ситуации неопределенности. Е. Т. Соколова пишет, что «известная толерантность к неопределенности и переносимость амбивалентности могут свидетельствовать о достижении индивидуальной зрелости, константности и целостности Я, способного справляться с ...тревогами» [Там же: 47]. «Лучшим способом преодоления неопределенности является признание ее существования» [Зинченко 2007: 30].

Отношение к неопределенности как объект эмпирических исследований

В целом ряде исследований убедительно показано, что отношение к неопределенности очень важно для характеристики личности в целом. С. Мадди [2005] описывает готовность действовать в условиях неопределенности, готовность идти на риск без гарантий успеха как один из главных предикторов устойчивости к стрессам. С его точки зрения, перед каждым человеком в повседневных выборах встает «экзистенциальная дилемма»: выбирается либо неизмен-

ность, воспроизведение прошлого, статус-кво, чреватое чувством вины за упущенные возможности, либо неизвестность, новое будущее, несущее в себе риск и чреватое чувством тревоги непредсказуемого. Эти альтернативы не эквивалентны: выбор неизвестности расширяет возможности найти смысл, а выбор неизменности их ограничивает.

В специальном исследовании [Леонтьев, Мандрикова 2005; Мандрикова, Леонтьев 2005; Мандрикова 2006] нам удалось продемонстрировать релевантность этой дилеммы обыденным ситуациям. На первом этапе исследования студентам, находящимся в общей аудитории, предлагалось перейти в одну из двух других аудиторий, причем то, чем предстоит заниматься в одной из них, сообщалось сразу (заполнение опросников – знакомое испытуемым занятие), а что будет в другой аудитории, было обещано рассказать уже там. На втором этапе участники, разойдясь по аудиториям, формулировали аргументацию своего выбора и заполняли батарею личностных опросников. На основании качественного анализа аргументации участники были гипотетически разделены нами на три группы. В группу *П* вошли те, кто сделал «истинный» выбор неизменности, в группу *Б* – те, кто сделал ситуативный, «безличный» выбор, а в группу *Н* – те, кто сделал «истинный» выбор неизвестности. По целому ряду личностных переменных: осмысленность жизни, оптимизм, жизнестойкость, каузальные ориентации и толерантность к неопределенности, – зафиксированы значимые различия между группой *Б* и двумя другими группами, между которыми, в свою очередь, значимых различий практически не было (см. подробнее: [Леонтьев, Мандрикова 2005]).

В исследовании на 40 участниках одной из всероссийских конференций по экзистенциальной психологии [Леонтьев, Осин 2007] была сделана попытка выяснить, отличаются ли чем-то экзистенциальные психологи от обычных людей, в том числе психологов других. Практически единственной переменной (из большого их числа), по которой было зафиксировано резкое отличие экзистенциальных психологов от других выборов, оказалась значимо более высокая толерантность к неопределенности.

Индивидуальные различия самоопределения в ситуации неопределенности исследовались в эксперименте левиновского типа [Леонтьев, Смирнов 2010]. Людей, пришедших на эксперимент, просили подождать в небольшой комнатке, которая была заставлена разными вещами: стояла задача посмотреть, как по-разному могут вести себя люди в ситуации такого неструктурированного ожидания. Обнаружилось несколько различных типов поведения, были связаны с личностными характеристиками. Одним из продуктивных типов, который был положительно связан с осмысленностью жизни и с отношением к будущему, было ориентировочно-исследовательское поведение: человек игнорировал телевизор и начинал просто изучать среду. Еще одним из продвинутых типов было полнезависимое поведение: человек вообще ни на что не обращал внимания, доставал свои вещи и начинал заниматься своими делами. Большинство, однако, оказывались в зависимости от включенного телевизора. У тех, кто его механически смотрел, нередко весь период ожидания, была низкая осмысленность жизни, ориентация на состояние при саморегуляции, высокая степень отчуждения по типу бессилия. Эти результаты говорят о том, что ситуация неопределенности представляет собой вызов, на который разные люди реагируют по-разному, проявляя в самом способе реагирования особенности своей личности. Они также свидетельствуют в пользу предположения, что главным «инструментом» преодоления неопределенности является смысл [Зинченко 2007: 26–27].

Заключение

Завершая приведенный анализ, мы приходим к выводу о том, что *позитивное отношение к неопределенности возможно, и именно оно оказывается наиболее продуктивным для личностного развития и сопротивляемости стрессам*. Суть такого отношения в том, чтобы отказаться от детской иллюзии стабильности и однозначности картины мира и выработать

более взрослую позицию принятия неопределенности, другой стороной которой выступает обнаружение новых возможностей. Рост толерантности к неопределенности оказался одним из наиболее универсальных следствий работы в экзистенциальных жизнетворческих мастерских, проводившихся автором данной статьи [Леонтьев, Миюзова 2013]. В результате изменения отношения к неопределенности она перестает быть каким-то жупелом, чем-то, чего надо бояться и от чего надо бежать, а начинает приносить людям удовольствие, они становятся способны испытывать от этого положительные эмоции. По сути дела, отношение к неопределенности – такое же, как и к любой другой стихии. Для человека, который плохо плавает, большая вода – ужас, что-то страшное, смертельное. А для человека, который хорошо плавает, это сплошное удовольствие. То же самое обнаруживается и с отношением к высоте: когда М. Чиксентмихайи [2011] проводил свои исследования феномена потока на скалолазах, его испытуемые говорили, что на скале все просто, все понятно, все предсказуемо, все зависит от тебя. Никакого страха, ты просто понимаешь, что и как ты должен делать. Переходить улицу на Манхэттене в час пик гораздо опаснее, чем на скале, потому что там могут быть всякие неожиданности.

Неопределенность – это свойство жизни, хотя большинство людей испытывают по отношению к ней широкий спектр отрицательных эмоций – от дискомфорта до паники – и стараются ее в своей жизни минимизировать. Это нормально, это правильно, потому что любая деятельность связана с ограничением неопределенности; любая цель, любой выбор – это превращение неопределенности в частичную определенность. Однако жизнь сама постоянно порождает неопределенность (энтропию). Энтропия – это свойство всего сущего, рост неопределенности, хаоса, а свойство живого – это, наоборот, преобразование энтропии во что-то более упорядоченное, структурированное, т. е. обратный процесс. Принцип жизни самодетерминируемых субъектов – вырабатывать из этой неопределенности частичную определенность, превращать энтропию в неэнтропию, понимая при этом, что неопределенности все равно будет оставаться много. Неопределенность и определенность не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, как Инь и Ян. Если мы хотим иметь контакт с реальностью и понимать, что происходит на самом деле, мы должны принимать неопределенность там, где она есть. Такова диалектика нашей жизни, и в ней содержится немалый потенциал для того, чтобы от этого процесса получать удовольствие.

Литература

Асмолов 2001 – *Асмолов А. Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.

Асмолов 2012 – *Асмолов А. Г.* Оптика просвещения. М.: Просвещение, 2012.

Бадью 2013 – *Бадью А.* Философия и событие. М.: ИОИ, 2013.

Вульф 2013 – *Вульф К.* Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Под ред. К. Вульфа, В. Савчука. СПб.: РХ ГА, 2013. С. 5–6.

Гусев 2011 – *Гусев А. И.* Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 300–329.

Зинченко 2007 – *Зинченко В. П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Человек в ситуации неопределенности / Под ред. А. К. Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.

Канеман и др. 2005 – *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.

Корнилова 2010 – *Корнилова Т. В.* Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. 3 (11). (URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n3-11/320-kornilova11.html>)

Корнилова и др. 2010 – *Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А.* Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Кувакин, Ковалева 2006 – *Кувакин В. А., Ковалева В. П.* Неизвестность. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2006.

Леонтьев 2003 – *Леонтьев Д. А.* Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107–119.

Леонтьев 2007 – *Леонтьев Д. А.* Восхождение к экзистенциальному миропониманию // Третья Всероссийская науч.-практич. Конф. по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 3–12.

Леонтьев 2013 – *Леонтьев Д. А.* Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.

Леонтьев 2014 – *Леонтьев Д. А.* Конец имманентности и перспектива возможного // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Под ред. Г. Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 174–185.

Леонтьев, Мандрикова 2005 – *Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю.* Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 4. С. 37–42.

Леонтьев и др. 2011 – *Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х.* Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 511–546.

Леонтьев, Миюзова 2013 – *Леонтьев Д. А., Миюзова А. Е.* Методический подход к фиксации изменений личности в результате экзистенциальной работы // Пятая Всероссийская науч.-практич. конф. по экзистенциальной психологии (Москва, 6–8 мая 2013 г.). Материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2013. С. 138–141.

Леонтьев, Осин 2007 – *Леонтьев Д. А., Осин Е. Н.* Печать экзистенциализма: эмпирические корреляты экзистенциального мировоззрения // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 1 (10). С. 121–130.

Леонтьев, Смирнов 2010 – *Леонтьев Д. А., Смирнов А. Г.* Смысл и отчуждение как предикторы поведения в неструктурированной ситуации // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 680–685.

Лобок 2001 – *Лобок А. М.* Вероятностный мир. Екатеринбург: АМБ, 2001.

Мадди 2005 – *Мадди С.* Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.

Мамардашвили 1997 – *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. СПб.: РХГИ, 1997.

Мандрикова 2006 – *Мандрикова Е. Ю.* Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2006.

Мандрикова, Леонтьев 2005 – *Мандрикова Е. Ю., Леонтьев Д. А.* Смысловые основания выбора и их альтернативы: фактичность прошлого или возможность будущего // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы междунар. конф. / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С. 151–157.

Мэй 2001 – *Мэй Р.* Смысл тревоги. М.: НФ «Класс», 2001.

- Осин 2010 – *Осин Е. Н.* Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.
- Осипов 2013 – *Осипов И. Д.* Неопределенность как онтологическая проблема российской цивилизации // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Под ред. К. Вульфа, В. Савчука. СПб.: РХ ГА, 2013. С. 33–41.
- Пригожин 1991 – *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
- Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Соколова 2015 – *Соколова Е. Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.
- Тaleb 2012 – *Тaleb Н. Н.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2012.
- Тaleb 2014 – *Тaleb Н. Н.* Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2014.
- Тульчинский 2002 – *Тульчинский Г. Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002.
- Фромм 1992 – *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Фромм, Хирау 1990 – *Фромм Э., Хирау Р.* Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 146–168.
- Чиксентмихайи 2011 – *Чиксентмихайи М.* Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.
- Эпштейн 2004 – *Эпштейн М. Н.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004.
- Эпштейн 2005 – *Эпштейн М. Н.* Постмодерн в русской литературе. М.а: Высшая школа, 2005.
- Csikszentmihalyi 2006 – *Csikszentmihalyi M.* Introduction // A Life Worth Living: Contributions to Positive Psychology / Ed. by M. Csikszentmihalyi, I. S. Csikszentmihalyi. N. Y.: Oxford University Press, 2006. P. 3–14.
- Giorgi 1992 – *Giorgi A.* Whither Humanistic Psychology? // The Humanistic Psychologist. 1992. Vol. 20. No. 2–3. P. 422–438.
- Glimcher 2005 – *Glimcher P. W.* Indeterminacy in brain and behavior // Annual Review of Psychology. 2005. Vol. 56. P. 25–56.
- Grenier et al. 2005 – *Grenier S., Barrette A.-M., Ladouceur R.* Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences // Personality and Individual Differences. 2005. Vol. 39 (3). P. 593–600.
- Proulx et al. 2010 – *Proulx T., Heine S. J., Vohs K. D.* When is the unfamiliar the uncanny? Measuring affirmation after exposure to absurdist literature, humor and art // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36 (6). P. 817–829.

Т. В. Корнилова

Психология неопределенности: когнитивная и личностная регуляция предвосхищений, выбора и риска⁵

Конструкт *неопределенности* по-разному представлен в философских, междисциплинарных и психологических исследованиях. В психологии он соотносится с понятиями выбора и принятия решений как процессами принятия и преодоления неопределенности, с понятиями риска и личностного самоопределения. В принятии неопределенности как условий своих действий, решений и выборов развести процессы когнитивной и личностной регуляции невозможно. Но их можно выделять в качестве специальных предметов изучения, что имело следствием онтологизацию понятий рациональный и иррациональный, интеллектуальный и личностный выбор и прочие ложные дихотомии [Корнилова 2016б].

Процессы предвосхищений, антиципации, целеобразования изначально вошли в понимание регуляции мышления. Вместе с тем изучение процессов прогнозирования изучалось параллельно на материале более простых ситуаций, предполагавших вероятностную ориентировку для вынесения суждений. Мы подошли к пониманию предвосхищений как *новообразований*, снижающих неопределенность ситуации при решении прогностических задач [Корнилова 2016а]. Обоснование их связи с интуитивными процессами и эмоциональным переживанием принятия вызовов со стороны неопределенного будущего, с одной стороны, и процессами дискурсивными, включающими интеллектуальную ориентировку в ситуациях неопределенности, с другой, приводит к постановке проблемы соотнесения эмоционально-личностных и когнитивных компонентов в прогностической активности человека. И в ее рассмотрении невозможно не учитывать общенаучные подходы к пониманию *принципа неопределенности*.

По мере разработки принципа неопределенности в науке и философии стало утверждаться положение, что неопределенность – не мера хаоса, и обращение к конструкту неопределенности становится необходимой предпосылкой переосмысления как бытия мира, так и психологической регуляции бытия человека. Применительно к конструктам *принятия решений* и *выборов* человека так или иначе интерпретируемые условия неопределенности стали связующим звеном при анализе психологических теорий и феноменов. Появление новых представлений о *неопределенности*, связанных с непредсказуемыми событиями и динамической парадигмой ее контроля, обуславливает актуальность обсуждения подходов к пониманию этого конструкта, сложившихся в психологии.

Целью статьи стало раскрытие общенаучных предпосылок наметившихся изменений и функционирования понятия неопределенности в психологических моделях, в первую очередь осваивавших его применительно к регуляции выбора, как осознанного решения мыслящей личности.

Анализ конкурирующих концепций регуляции выборов, как этапов решений прогностических задач, предполагает также подкрепление их доводами со стороны эмпирической верификации гипотез о составляющих регуляции выборов в условиях неопределенности. Соответственно мы должны были обратиться и к изучению прогностической активности человека в экспериментальных моделях условий неопределенности. Представление одного из этих направлений исследований завершит статью.

⁵ Впервые опубликовано: Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3. (URL: <http://psystudy.ru>) Расширенный вариант публикации.

Общенаучные предпосылки изменений в понимании неопределенности. Неопределенность и знания. Прогнозирование и неопределенность

Проблемы регуляции познания и деятельности отражены в психологических теориях (в аспекте движения субъекта к неопределенному будущему) в понятиях антиципации, предвосхищения, прогнозирования и целеобразования. Неопределенность изначально связывалась с *возможностью* в аспектах как неполноты знания, так и процессов, включаемых в актуализацию психологической регуляции решений и действий. При этом в психологию привносились складывающиеся общенаучные взгляды на неопределенность; в истории развития представлений о неизвестной *возможности* наступления событий были сформулированы *вероятностные* трактовки неопределенности и поляризация качественной и количественной неопределенности, понятия «общество риска» и т. д. [Корнилова 2016a]. Представление о познавательной активности человека как направляемой выдвижением *гипотез* вывело понимание процессов прогнозирования в более широкую плоскость (чем собственно вероятностное прогнозирование) понимания познания.

Прогнозирование в психологии рассматривается как предвосхищение или оценка человеком возможных событий (в том числе при исчисляемой оценке вероятностей их наступления), как базирующееся на интуиции и анализе, суждениях и продуктивных решениях, характеризующееся *новообразованиями* не только в результатах, но и в процессуальных характеристиках становления предвосхищений. Психологическая реальность предвосхищений и прогнозов стала изучаться многосторонне: как прогностическая деятельность, как аспекты становления мышления и совершения поступка, как целеобразование и целедостижение, где субъективная неопределенность выступила уже в качестве составляющей смысловой и когнитивной регуляции выборов.

Прогнозирование, в первую очередь, заключается в оценках человеком возможного как еще не знакомого, но уже учитываемого «квазизнания» при регуляции действий и вынесении суждений. Люди с разным интеллектуальным развитием и различным отношением к неопределенности будут принимать решения неодинаково, следуя *вызовам неопределенности* или отказываясь от действий на основе неполной ориентировки. Если же речь идет об ориентировке в собственных возможностях, целях и смыслах, то ведущими становятся самосознание и личностное самоопределение как составляющие психологической регуляции выбора.

Сама ограниченность знаний (или недостаточная информированность человека) может иметь разные основания: во-первых, субъективное незнание при принципиальной возможности получения необходимых сведений (например, ограниченное знание из-за нехватки времени на его пополнение, в силу недостаточности усилий, прилагаемых для анализа ситуации, или др.). Во-вторых, незнание «объективное» – при принципиальном отсутствии необходимых сведений в накопленном человечеством общественно-историческом надындивидуальном опыте (надындивидуальных знаниях, усваиваемых или присваиваемых отдельными людьми). Если в первом случае можно оценивать индивидуальные различия между людьми – в степени владения необходимыми знаниями или в прогностических способностях, то во втором – движение всего человечества по пути к объективному знанию.

Проблема соотношения субъективного и объективного знания выступает одной из важнейших в методологии науки [Корнилова, Смирнов 2013]. Путаница начинается, когда наряду с дихотомией *субъективного–объективного* знания появляется дихотомия *полного–частного* знания для психологических оснований выбора субъекта. Причина не только в том, что трудно оценить необходимую степень полноты знания для осуществления человеком осмысленного выбора. Дело в том, что с появлением теории вероятности были сформулированы разные трак-

товки того, как связано знание о мыслимом пространстве событий и ожидание события (даже если не предполагается выбор человеком альтернатив). Приведу только одну позицию – Дж. Буля: «Вероятность – это ожидание, основанное на частном знании. Полное же знакомство со всеми обстоятельствами события изменило бы ожидание на определенность (*certainty*), и не оставило бы ни места, ни необходимости в теории вероятностей» [Boole 1854: 244].

Принцип неопределенности, мышление возможного и риск

В прошедшем веке в философии науки изменилось понимание самой возможности Наблюдателя (с большой буквы), который мог бы иметь критерии оценивания полноты и истинности знания. *Принцип неопределенности*, включивший необходимость предположения о «лямбде» Наблюдателя, был освоен как физиками, так и впоследствии психологами [Зинченко, Мамардашвили 1977].

Принцип неопределенности в методологии психологической науки стал рассматриваться в контексте разработки представлений о применимости к психологии идеи стадильности развития наук (В. С. Степин) и в связи с изменением критериев рациональности (М. Мамардашвили, Г. Саймон, Г. Гигеренцер и др.), с формулированием проблемы полипарадигмальности психологии [Смирнов 2005; Юревич 2005] и открытости человека, с новым пониманием активности и сознания личности [Асмолов 2002; Корнилова 2010]). Множественность теорий и множественность принципов в построении психологического объяснения, т. е. гносеологический контекст принципа неопределенности, – это то, что сегодня можно противопоставить идеям «монизма» и редукционизма в психологии. Обращение к категории неопределенности выступает в роли мостика, проложенного между проблематикой картины мира на стадиях неклассической и постнеклассической науки и основными проблемами методологии психологии: онтологической и феноменологической данности психического, субъективного и объективного в психологическом познании, объективности неопределенности и субъективности детерминизма, соотношения категорий деятельности и творчества, соотношения чувства и разума в преодолении человеком неопределенности.

Представим только один аспект изменений в подходах к неопределенности – понимание преодоления ее как актов выбора и как этапов интеллектуальных стратегий человека, или *возможного риска в мышлении*.

Обычно риск связывается с опасностью потерь или выигрышем в прагматических контекстах (здоровья, ресурсов, репутации и др.). Психологическое понятие риска задается в разных аспектах: риск как объективно заданная возможность и опасность потерь–приобретений или как характеристика импульсивности решений и действий (праксиологический аспект), риск как следствие неполноты ориентировки в ситуации или как возможность ошибки из-за недостаточности приложенных при обдумывании усилий (познавательный аспект), как ситуационно заданный фактор или как личностное принятие вызова со стороны условий неопределенности и др.

«Наиболее характерная черта рискованных задач – наличие *неопределенности*, то есть того, что исходы, которые будут получены лицом, принимающим решение, зависят от событий, которые невозможно предвидеть с полной определенностью» [Козелецкий 1979: 52].

Обдуманый риск означает осознанную готовность человека осуществлять выбор в условиях неопределенности. Мышление необходимо опосредствует стратегии выбора. Поэтому по аналогии со страхованием рисков как «колонизацией будущего» мышление можно рассматривать как психологический процесс построения своего будущего. Направленность выбора в условиях неопределенности требует и личностного самоопределения, поскольку предполагает процессы смыслообразования и ориентировки в личностных ценностях. Рассмотрим такой аспект риска в мышлении как возможность *помыслить немыслимое*.

Возможное в мышлении – это не только характеристика временной перспективы обдумывания чего-то, но и основа креативных решений, как отражающих создание до того неизвестного нового. Традиционно было принято говорить о риске незнания, а сегодня возникла такая проблема, как риск знания. Речь идет не только о том, что знание может стать опасным (особенно если попадет в ненадлежащие руки), и даже не о старой проблеме «многие знания – многие печали». Риск сопряжен с самой идеей конструирования человеком образа мира и полагания себя в нем. Слово конструирование здесь означает не столько учет конструктивистской парадигмы (в философии познания и психологии), сколько ту идею саморазвития человека, которая в большей степени связывается с *личностным самоопределением*. Помыслить о чем-то и пожелать этого – вот линия взаимодействия познавательной и личностной сфер; помыслить и ужаснуться – другой вариант.

Но не помыслить о чем-то может означать и недореализоваться, а не просто ошибиться в ситуации выбора. Другой поворот темы – «самосбывающиеся пророчества» (когда наступает событие, предсказание которого как бы уготовано самой возможностью человека помыслить о нем).

Человек в процессе мышления расширяет и умножает сферу мыслимого и немислимого; так, создавая символический образ кентавра, человек изменяется сам, сопоставляя возможное и невозможное. Таким образом, возможное в мышлении – это и проблема становления *личностного самосознания*. Риск узнать самого себя – один из аспектов психологической тематики риска [Петровский 1992; Корнилова и др. 2010].

Риск и эвристики

Источником риска при его психологическом изучении могут выступать не только опасности, но и *эвристики*. Это понятие фиксирует возможную селективность выбора, что означает неполноту анализа ситуации и – как следствие – получаемой информации, неразвернутость оснований выбора (пропущенные звенья) и любые стратегии, где критериями ограничения анализа могут выступать разнообразные психологические механизмы (эмоции, ограничения памяти, предубеждения личности и т. д.). Когнитивные упрощения могут уменьшать усилия человека при решениях, включая неопределенность результата как условие селективности поиска.

Психологи Д. Канеман и А. Тверски, описывая несоответствия реальных выборов предполагаемым, согласно их «проспективной теории», стали использовать понятие *эвристик* как «ловушек ума», которые приводят человека к неверным решениям и суждениям. В анализ стратегий принятия решений ими было включено важное понятие *усилия*. Использование эвристик позволяет субъекту уменьшать прилагаемые усилия, что может привести к ошибкам в решениях. Исследователями описаны эвристики *доступности*, *репрезентативности* и ряд других [Канеман 2014].

Г. Гигеренцер обосновал, что эвристики выполняют в жизни человека не только и не столько роль «ловушек ума», сколько иную функцию – приспособительную [Gigerenzer 1998]. Он описывает иные эвристики, а целесообразность их использования связывает с рядом показателей, в первую очередь, со степенью *прогностической неопределенности* задачи [Kurz-Milcke, Gigerenzer 2007].

Как в теории Тверски–Канемана, так и в экологической теории Гигеренцера прогнозирование и суждения человека о возможном базируются на его опыте. При существенных различиях этих теорий в отношении роли формата представления условий неопределенности (в виде вероятностей или частот), обе они предполагают связь прогнозирования и выбора (решения или суждения) с осмыслением и оцениванием событий, наступление которых имело место ранее. Они не охватывают процессы предвосхищений и оценивания тех событий, которые не

только еще не наступали, но и не мыслились человеком (или человечеством). Именно к таким событиям обратился Н. Талеб, введя в своих книгах представления о «черном лебеде» как непредсказуемом событии и «антихрупкости» как основы совладания с неопределенностью [Талеб 2014].

Антихрупкость

Именно наиболее разработанная когнитивная теория принятия решений Д. Канемана и А. Тверски стала критически оцениваться с иной позиции, с которой выступил финансист, математик и экономист Нассим Талеб. Он задал принципиально иной взгляд на вероятностную структуру мира человека, показав, что человек и мир наиболее уязвимы со стороны непредсказуемых опасностей, связанных с вероятностями событий, которые невозможно помыслить и, значит, невозможно предугадать.

Книги Талеба, с одной стороны, включали популярное изложение множества отдельных психологических экспериментов и воззрений авторов проспективной теории, а с другой стороны, были нацелены на то, чтобы показать: риск нужно связывать с неопределенностью иного типа, нежели та, на которую ориентировались до сих пор. У Канемана закономерности восприятия вероятностей и принятия решений в условиях неопределенности действуют на территории Среднестана (метафора Талеба) – там, где выявляются статистические закономерности, где представлены привычные и значит предсказуемые события, с которыми человек знаком по опыту (индивидуальному или надындивидуальному). Ставшая бестселлером книга Талеба «Черный лебедь» имеет подзаголовок «Под знаком непредсказуемости». Речь в ней идет об опасностях или возможностях, которые дает человеку *мир неопределенности на его крайних границах* – в Крайнестане, где не действуют статистические закономерности, возникают невысказанные события и прогноз невозможно строить на основе опыта [Талеб 2013].

Именно невысказанные, чрезвычайно редкие и экстремальные события имеют наиболее существенное значение в жизни человека и общества. Предсказать их трудно, поскольку они не вытекают из предшествующих. Более того, накапливаемый опыт, казалось бы, свидетельствует в пользу того, что, как говорится словами нашей популярной песни, «завтра будет так же, как вчера».

Вот как Н. Талеб популяризовал основное противоречие между индивидуальным опытом и невысказанностью событий. В книге «Черный лебедь» есть пример про индюшку, которую ежедневно кормит мясник. Каждый день уверенность индюшки статистически увеличивается и подтверждает индюшке, или метафорическому «индюшачьему статистическому департаменту», что мясник любит индюшек. И это продолжается долгое время. Но в ноябре есть один день, когда очень невыгодно быть индюшкой, это День благодарения минус два дня. Происходит то, что будет большим сюрпризом для индюшки, «черным лебедем» для нее, но не для мясника [Талеб 2013].

Выход новой книги Н. Талеба «Антихрупкость: вещи, которые извлекают пользу из беспорядочности» [Талеб 2014] стал поводом для дискуссии с Д. Канеманом в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Эти встречи известны как программы «LIVE из Нью-Йоркской публичной библиотеки» (http://www.nypl.org/audiovideo/live-nypl-nassim-taleb-daniel-kahneman/LIVEIrving_1.29Transcript). Я воспользуюсь переводом встречи, которая состоялась 5 февраля 2013 г. Она интересна тем, что там утверждается представленная в «Антихрупкости» идея *динамического контроля над неопределенностью*.

Вот как сам Талеб вначале говорит о своем переходе к методологическому осмыслению мира неопределенности: «Я был трейдером до того, как познакомился с Дэнни (Д. Канеманом). Мы встретились в 2002–2003 г., и эта встреча многое для меня изменила. Я решил стать ученым...». Далее он апеллировал к своему опыту трейдера: они

...классифицируют все в две группы: то, для чего непостоянство хорошо, и то, для чего непостоянство плохо. Есть сделки, которым подходит непостоянство, а есть такие, для которых непостоянство и вариативность просто противопоказаны... Когда я вступил в мир ученых, то понял, что в нем нет названия для тех вещей (понятий), для которых непостоянство – это хорошо. Прочный – это не то... это не является противопоставлением хрупкости, не эквивалент для тех явлений, для которых непостоянство – это хорошо. ...я пришел к выводу, что хрупкость – это категория объекта и это не противопоставление понятию прочный. Противоположность хрупкости – это совсем другая категория. Если я отправляю посылку по почте с надписью «хрупкое», вы переводите на русский или другой язык, что с посылкой надо обращаться осторожно. Противоположным нельзя назвать случай с посылкой, на которой ничего не написано. Противоположным будет то, на чем вы напишите: обращаться неосторожно. Для этой категории нет названия, поэтому я назвал ее антихрупкость. *Антихрупкость* – это то, что получает выгоду из непостоянства (волатильности), вещи, которые извлекают пользу из беспорядочности. Многие не понимают этого... Я решил сделать классификацию понятий по трем категориям: хрупкий, прочный, антихрупкий.

Талеб развил идею, что неопределенность вредит хрупкости, но она только на руку антихрупкости. Пример – готовность к неопределенности предпринимателей. Неопределенность любят авантюристы: она открывает им новые возможности. И есть системы, которые получают выгоду от беспорядочности, что определено какими-то их свойствами. Канеман возражал: «Люди в большинстве своем предпочитают устойчивость, нежели антихрупкость». Талеб же утверждал, что увеличение сложности или величины увеличивает хрупкость объекта. Децентрализация делает «объект» или систему менее хрупкими, менее подверженными опасностям (ошибок, уничтожения и т. д.). Вот один из его примеров.

Децентрализованное правительство делает много маленьких ошибок. Похоже на беспорядок (путаницу), потому что видно много ошибок. Они на первой странице *New York Times* каждый день; согласен, и это пугает людей. Большое централизованное правительство не делает такого количества ошибок, его работа более ровная, но вы знаете, каков масштаб последствий, когда они совершают ошибки; последствия двух из них в нашей стране длятся уже 10 лет. Был один человек, который пошел в Ирак, нам это уже стоило три триллиона долларов и число это будет расти... Когда есть децентрализация, умноженная на ошибки, то они меньше, почти как камешки. Они будут беспокоить, но они не разрушат.

Канеман не соглашался с критикой Талебом людей, которые пытаются строить прогнозы в экономической сфере, но не могут предсказать большие события (кризисы). Талеб отвечал, что для того, чтобы быть защищенным от опасных случайностей (например, крушение самолета), нужно иметь возможность предсказывать не отдельное событие, а их серию. В социальном плане это приводит к выводу о необходимости строить общество, которому не смогут навредить отдельные ошибки прогнозов.

Автор «Антихрупкости» соединил методологический и психологический аспекты понимания риска, раскрывая идею *возможного в мышлении*. Необходимо расширять горизонты мышления и мыслить немислимое, непредсказуемое. Если это получится, то увеличится способность ориентироваться в возможных изменениях ситуации и, значит, возрастет ее «антихрупкость». Другую психологическую проблему Талеб видит в *добросовестности*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.